

Софи Вёрисгофер

Сокровища Перу

Софи Вёрисгофер
Сокровища Перу

«Public Domain»

1889

Вёрисгофер С.

Сокровища Перу / С. Вёрисгофер — «Public Domain», 1889

«То было в первой половине прошлого, XIX столетия. По зеленому городскому валу старого ганзейского города Гамбурга гуляла, громко разговаривая, веселая толпа мальчиков-подростков. По-видимому, все они принадлежали к числу воспитанников старших классов гимназии. Среди них особенно выделялся высокий, красивый юноша, на целую голову выше остальных своих товарищей, полный сил и здоровья, полный жизни и энергии, с веселым, смеющимся взглядом больших голубых глаз, смело и бодро смотревших вперед на жизнь и свет, с открытым и умным лицом и румянцем во всю щеку. Звали его Бенно Цургейден, он был родной племянник богача, оптового торговца и сенатора, носившего ту же фамилию, в доме которого он рос и воспитывался...»

© Вёрисгофер С., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Часть I	5
I	5
II	17
III	24
IV	30
V	36
VI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Часть I

Скитания молодого беглеца

I

Цирк у городских ворот. – Дом Цургейдена. – Тени прошлого. – Горькая участь артистов. – Проба в цирке.

То было в первой половине прошлого, XIX столетия. По зеленому городскому валу старого ганзейского города Гамбурга гуляла, громко разговаривая, веселая толпа мальчиков-подростков. По-видимому, все они принадлежали к числу воспитанников старших классов гимназии. Среди них особенно выделялся высокий, красивый юноша, на целую голову выше остальных своих товарищей, полный сил и здоровья, полный жизни и энергии, с веселым, смеющимся взглядом больших голубых глаз, смело и бодро смотревших вперед на жизнь и свет, с открытым и умным лицом и румянцем во всю щеку. Звали его Бенно Цургейден, он был родной племянник богача, оптового торговца и сенатора, носившего ту же фамилию, в доме которого он рос и воспитывался.

– Там, на поле Святого Духа, что-то происходит, – обратился к товарищам Бенно, вдруг останавливаясь и к чему-то прислушиваясь. – Смотрите, там мелькают огни, и до меня доносятся чей-то повелительный голос, отдающий приказания!

– Да и стук молотка! – добавил другой мальчик.

– Сейчас там ржала лошадь!

– Неужели?! Что, если туда прибыл цирк? – При этой догадке вся юная компания пришла в волнение. Цирк! Эти пестро разряженные клоуны, наездники, наездницы, эти странствующие артисты с учеными обезьянками, собаками, дрессированными лошадьми и другими животными были в ту пору редким и потому везде желанным развлечением. Надо было спешить узнать, не предстояло ли теперь в самом деле такое удовольствие.

До городских ворот было близко, и мальчики, недолго думая, бегом пустились туда и тут же за городским рвом увидели сцену, возбуждавшую в них живейший интерес. Позади еще строящегося круглого дощатого балагана стояли не то фуры, не то фургоны, окрашенные в желтый и голубой цвета, с маленькими окошечками и дымовыми трубами. Балаган, вне всякого сомнения, предназначался для цирковых представлений. Несколько лошадей, хорошенький осел и другие четвероногие были привязаны к коновязям, тогда как несколько обезьянок, выраженных в красные тряпки, съезжившись, понуро сидели на корточках на крышке большого деревянного ящика и, по-видимому, находили этот теплый летний вечер слишком прохладным для себя. Между каретами или, вернее, фургонами на траве толпились дети разного возраста, очень бедно, даже жалко одетые в старенькие поношенные вещи. Несколько мужчин, с топорами и молотками в руках, усердно работали над дощатыми стенами балагана, который к следующему вечеру нужно было не только закончить, но и пестро разукрасить разноцветными реденькими тканями для предстоящих спектаклей.

Зоркие глаза Бенно жадным, любопытным взглядом окинули всю эту слабо освещенную несколькими жестяными фонарями своеобразную картину.

– Превосходные лошади! – прошептал он. – Эх, если бы этот конь был моей собственностью!

– Что ж, ведь твой дядюшка миллионер, ему ничего не стоит купить тебе лошадь! Не так ли?

При этих словах легкая тень печали мелькнула на красивом лице Бенно.

– Есть у кого-нибудь из вас деньги при себе? – спросил он, обращаясь к своим товарищам.

– Да, у меня! – ответил один.

– И у меня тоже! – заметил другой. – А что ты хочешь сделать?

Бенно указал глазами на привязанного к коновязи осла и сказал:

– Этот серый, наверное, так обучен, что при известном движении или знаке своего владельца сбрасывает каждый раз седока на землю, и мне страшно хочется попробовать это!

– Да, да, попробуй! Вот тебе четыре шиллинга!

– А вот еще два! Не странно ли, Бенно, что у тебя никогда не бывает денег?

Яркая краска стыда залила лицо красивого мальчика:

– Мой дядя считает лишним, чтобы я постоянно имел карманные деньги, – сказал он, – ну, а теперь дай мне на время твои четыре шиллинга, Мориц!

Мальчики спустились с вала и приблизились к группе работающих мужчин, к тому из них, который отдавал приказания и, по-видимому, руководил остальными. Орлиный взор его глаз улавливал мельчайшие ошибки, следил за всем: все видел и замечал.

– Добрый вечер, молодые люди, – любезно раскланялся он, вынимая трубку изо рта, – вы, вероятно, желаете посмотреть лошадей? Прекрасно! Вы все, конечно, пожелаете завтра на наше первое представление. Не правда ли?

– Этого мы еще не знаем, – отвечал за всех Бенно, – но нельзя ли узнать у вас, господин директор, что это за осленок, – он дрессированный? Вероятно, он проделывает какие-нибудь фокусы?

– Фокусы? Этот-то? О, нет! – возразил черноволосый мужчина со смуглым лицом южного типа, очевидно, весьма польщенный званием директора, – это – самый упрямый и злой из всех своих собратьев! Еще ни одному наезднику не удавалось до настоящего времени усидеть на нем!

– В самом деле? – заметил Бенно, взглянув на своих товарищей. – А я бы очень хотел попробовать!

– Что ж, это возможно! Вы дадите, конечно, на чаек, молодой человек?

– Ну, да, конечно, это самое главное! – презрительно ответил Бенно, вручая ему четыре шиллинга, – а что вы заплатите мне, если я благополучно проеду на вашем осле взад и вперед?

– Тысячу талеров! – с большим достоинством отвечал брюнет, – вы можете прочесть об этом во всех моих афишах!

– Будьте же любезны приготовить деньги! – проговорил Бенно.

Все цирковые наездники громко рассмеялись при этом. Директор сам оседлал осла и подвел его, затем достал из ящика короткий хлыст и вызывающе шелкнул им по земле.

– Ну, Риголло, доброе мое животное, будь кроток и послушен с этим молодым господином, слышишь?

Мориц и остальные мальчики переглянулись между собой.

– Смотри, берегись, Бенно! – сказал один из них.

– Пустяки, он кроток, как ягненок, тощий, полуголодный бедняга! Смотрите, как я проеду на нем! – беспечно ответил юноша.

Он подобрал поводья, и Риголло послушно пошел легонькой рысцой. Казалось, он в самом деле был смирнее ягненка, но Бенно не поддавался обману и зорко следил за каждым жестом директора цирка, стоявшего посередине круга и поворачивавшегося все время лицом к ослу, описывая хлыстом круги на песке арены. Очевидно, он хотел дать время юноше совершенно освоиться с мыслью, что тот отлично справляется с ослом.

Но сердце Бенно учащенно билось. Он не спускал глаз с директора, как бы ежеминутно ожидая выпада с его стороны, выпада, от которого должна была зависеть его жизнь или смерть. Но вот, как бы случайно, хлыст поднялся всего на одну секунду вверх, и в тот же момент осел с удивительной быстротой поднялся на дыбы, как свеча, так что Бенно непременно очутился бы

на земле, если бы не был готов к этому. Точно железными тисками сдавил он бока несчастного животного, – и оно волей-неволей вынуждено было опуститься на ноги и принять обычное положение.

Лицо директора исказилось гримасой.

– Вы превосходно сидите в седле, молодой человек, – любезно заметил он, – быть может, вам и в самом деле суждено совладать с этим упрямым Риголло!..

Бенно утвердительно кивнул головой и ласково потрепал по шее осла.

– Смотрите, какой Бенно бледный, и как у него горят глаза! – заметил один из мальчиков.

– Знаешь, он, по-моему, вовсе не на своем месте в классе: наука вообще как-то не по нем... – вставил другой. – Положительно не могу себе представить его доктором или судьей, в очках, с серьезной, торжественной миной!

– Постой! Смотри, осел пошел галопом!

В самом деле хлыст в руке директора стал быстро описывать круги, но уже не по земле, а в воздухе. И, вдруг, когда никто того не ожидал, поднялся вверх. Произошло то же, что и в первый раз. Риголло не мог ни сбросить своего седока, ни сам броситься на землю; он весь дрожал. Едва держась на ногах, он доплелся до своих яслей и уже более не соглашался сдвинуться с места.

Бенно соскочил с седла.

– Ну, а теперь, господин директор, пожалуйста мне обещанные деньги! Все они – свидетели, что ваш Риголло не мог меня сбросить! – воскликнул, смеясь, юноша, стираясь скрыть под этим смехом свое торжество.

Никто не ответил ему. Человек с хлыстом был бледен, как мертвец, даже губы его побелели. Он с трудом выговаривал слова.

– Цирк мой еще не открыт, – пробормотал он, как бы извиняясь и оправдываясь, – так что эта тысяча талеров была...

– Просто шутка! Не так ли? – добавил Бенно. – Ну да, конечно, тем не менее я требую известного вознаграждения, господин директор!

– Какого?

– Вы должны обещать мне, что не будете бить бедного Риголло!

– И это все? – воскликнул сразу повеселевший директор.

– Да, все!

– Браво, молодой человек! Вы сразу полюбились мне! Какой бы знатный наездник вышел из вас! – восхищенно воскликнул директор.

– О, слишком много чести! – весело отозвался Бенно.

– А почему бы нет?! Артиста чтит весь мир. А кем, позвольте вас спросить, желали бы вы стать в будущем?

– Кем бы я желал быть?! – в раздумье повторил юноша. – Кем? Ну да, со студенческой жизнью я еще могу примириться. А что дальше будет, еще увидим!

Акробат закивал головой.

– Ну да, к тому времени вы станете мужчиной и тогда поступите, как задумаете, как захотите. Не правда ли? Но чуе мое сердце, что в один прекрасный день вы положите все свои книги на полку и повернете спину всякой учености!

Яркая краска залила красивое лицо Бенно.

– Вы так думаете? – проговорил он, очевидно, только для того, чтобы сказать что-нибудь.

– Уверен в этом! И тогда вы так же легко можете стать цирковым наездником, как и кем-либо другим. Но, конечно, лучше было бы вам теперь же начать карьеру артиста. У меня как раз нашлось бы теперь дело для такого ловкого господина, как вы!

Бенно рассмеялся.

– До свидания, господин директор, не забудьте же своего обещания!

– Нет, нет! Будьте совершенно спокойны на этот счет!

Бенно поклонился и хотел уже идти, как чья-то рука коснулась его, Оглянувшись, он увидел пару темных глаз, смотревших на него не то испуганно, не то вопросительно. Они принадлежали юноше немногим старше его самого, стройному и бледному, с робким смущенным взглядом.

– Знакомы вы с черной магией? – спросил незнакомец.

– Что вы говорите? – изумился Бенно.

– Я спрашиваю, можете ли вы управлять сверхъестественными силами?

– Михаил! – строго окликнул директор, – поди сюда! Он славный парень, – продолжал он, обращаясь к Бенно, – усердный, честный, но... – и покрутил своим смуглым пальцем у виска. – Конечно, на это есть особые причины!

Михаил боязливо поглядывал на хлыст в руке наездника, но тем не менее продолжал:

– Мне все-таки очень хотелось бы знать, знаком ли этот молодой человек с тайнами черной магии?

– Почему вам пришла эта мысль, неужели только потому, что я сумел совладать с ослом? – спросил Бенно.

– Да, еще никто не мог заставить Риголло идти под собой покорно и спокойно, никто! Бедное животное теперь дрожит всем телом, тогда как до настоящего времени он никого не боялся!

Бенно ласково протянул Михаилу руку и сказал:

– Ничего сверхъестественного в этом не было! Могу вас уверить! Да неужели вы сколько-нибудь верите в такие вещи, как колдовство или сверхъестественные силы?

Незнакомец боязливо оглянулся и сказал таинственным шепотом: «да!»

– Михаил! – снова крикнул директор.

– Да я молчу, молчу!

Мальчики удалились, чтобы поспеть обратно в Гамбург, прежде чем запрут городские ворота. Все заметили, что Бенно, вопреки обыкновению, был молчалив и только раз как бы про себя сказал: «Да, такого коня я ужасно хотел бы иметь».

– На моем коне ты всегда можешь кататься, Бенно! – проговорил Мориц.

– Благодарю, но я хотел бы, чтобы лошадь была моей собственностью.

– А разве у тебя нет никакой собственности?

– Никакой!

– Ни своей библиотеки, ни коллекций, ни абонементов на купанье, ни даже пары коньков?

– Ничего!

– Что же тебе дарят в день твоего рожденья или на Рождество?

Бенно изменился в лице.

– Что придется! – сказал он. – Однако до свиданья, господа, мне здесь направо!

– Да подожди же, Бенно, мы проводим тебя еще немного!

– Нет, нет, я очень спешу, господа! – проговорил юноша. – Спокойной ночи! – И он скрылся за углом улицы.

Мальчики, посмотрев ему вслед, переглянулись.

– Вы его огорчили, беднягу, – сказал Мориц, – у него нет ни отца, ни матери, он живет в доме этого противного старого ворчуна, дяди, который, кажется, тяготится им, а мы напомнили ему об этом, заговорив о наших подарках!

– Да, говорят, сенатор – очень суровый человек и никогда никому не даст гроша медного. Зато никто его и не любит!

– Недавно мой отец сказал: «Цургейден не может смеяться», затем он прибавил к этому еще нечто, я даже не смею сказать, что именно...

– Да скажи же, скажи! – просили мальчики.

– Он сказал: «Я убежден, что у Цургейдена на душе какой-то тяжкий грех, что-то страшное на его совести»!

– На то похоже! Никто к нему не ходит, и сам он ни к кому не ходит! Да, нечего сказать, бедному Бенно плохое житье с этим дядюшкой да его старой бабкой!

Между тем как толпа юношей растекалась по разным направлениям, Бенно поспешно добежал до мрачного старинного дома своего дядюшки – здания неуклюжей голландской постройки, совершенно тонувшей во мраке, с тяжелым навесом и островерхой крышей, с окнами, круглые стекла которых были вставлены в жестяную оправу. У входа на медной дощечке значилась надпись – «Цургейден с сыновьями», а над воротами красовалась латинская надпись: *In Deo spes mea* («В Боге моя надежда»).

Таково было мрачное жилище Бенно Цургейдена. В этот вечер ни в одном из окон не виднелось света: всюду царили мрак и тишина. Ни веселое движение на улицах города, ни теплый августовский вечер, – ничто, по-видимому, не действовало на обитателей этого мрачного дома. Все двери и окна были плотно закрыты и завешены, нигде в окнах не виднелось ни одного горшочка с цветами, ни клетки с птичкой, ни одного веселого человеческого лица, как будто все здесь вымерло.

Бенно неслышно прошмыгнул к калитке, тихонько пробрался по двору и осторожно постучался в единственное маленькое подвальное окошечко, откуда виднелся свет.

– Гармс, это я,пусти меня!

– Сейчас,сейчас, мой милый!

Свет в окошечке исчез и вскоре кто-то осторожно отворил калитку, ведущую во внутренний двор. Приветливого вида старичок ласково поздоровался с мальчиком и потрепал его по плечу.

– Ну, где же ты сегодня пропадал, голубчик? Ты смотришь что-то совсем не весело!

Бенно вздохнул.

– Гармс, – сказал он, – мне бы хотелось с полчаса поболтать с тобой!

– Ну, так пойдем со мной, старая Маргарита еще не вернулась домой. Скажи мне, что с тобой, мой мальчик?!

– Ничего, Гармс, я только размышлял сегодня о разных вещах и пришел к убеждению, что мы живем здесь какою-то особой, странной неестественной жизнью, словом, не так, как другие люди!

Между тем старик ввел своего любимца в низенькую, скромно обставленную комнату, где они устроились друг против друга в удобных старинных креслах у окна.

– Странной, неестественной жизнью? Ну да, да! – закивал головой старик, – для тебя, голубчик, это, конечно, не веселая жизнь! Бабушка и дядюшка – люди старые, к тому же еще болезненные и угрюмые, они не любят слышать чужого голоса, видеть чужого лица, а тебя тянет к людям, тебе хочется говорить и смеяться. Только ты не думай об этом, не сокрушайся: ведь скоро для тебя настанет хорошее студенческое время, вольное барское житье в Йене или Гейдельберге. Тогда тебе будет хорошо и не надо будет давать отчета никому, кроме своей совести!

Глаза Бенно блеснули при этом, хотя он недоверчиво покачал головой.

– Едва ли, Гармс, это будет таким счастливым временем для меня! – отвечал он, и лицо его покрылось густым румянцем.

– Эх, черт побери! Да почему же нет? Как будто я не знаю! Господа студенты живут так, как будто целый мир создан только для них!

– Да, если они богаты, Гармс! Но, видишь ли, мой дядя не тратит на себя ни одного шиллинга, и я уверен, будет требовать и от меня, чтобы я жил так же, как он, а ты не можешь себе представить, как бы я желал иметь рапиру, маску, нагрудник, перчатки и...

Старик добродушно засмеялся.

– Ну... ну, – сказал он, – высказывай все, милый мой... что еще?... а?..

– И верховую лошадь, Гармс! Да, больше всего мне бы хотелось иметь свою верховую лошадь!

– И ничего более? Однако не скромные же у тебя желания! Всего этого ты в жизни своей не получишь от господина сенатора!

– Вот видишь, Гармс!

– Ничего я не вижу. Старик наш, – я хотел сказать, его милость, – конечно, подумал бы, узнав о твоих желаниях, что пора присмотреть тебе местечко в доме умалишенных, – с этим я не спорю, но ты не унывай и не падай духом. Ведь и по ту сторону гор тоже есть люди, и среди них есть некто, который тебя очень любит и много о тебе думает. Этот некто – я!

Бенно, растроганный словами старика, ласково кивнул ему головой.

– Знаю, знаю, старина, но, ведь ты... то есть от тебя...

– Ну, ну, доскажи-ка до конца свою мысль. Ты, кажется, хотел поговорить о рапире и верховой лошади... Не так ли? Все, все получишь, мой милый: будешь и верхом ездить, и фехтовать, будешь вполне счастлив и доволен! Видишь ли, я без малого сорок лет служу в этом доме, и это дало мне немалые деньги, а расходы у меня всегда были самые ничтожные. Когда несколько лет тому назад мой старый отец скончался, мне достались оба его дома в Гревингерской улице, и с того времени я ежегодно откладывал в сроки платежей за наем от двух до трех тысяч гульденов «за обшлаг рукава», как мы, гамбургцы, выражаемся. И все это я делал для тебя Бенно, все для тебя, мой мальчик!

– Для меня?! – удивленно сказал мальчик, – для меня? Скажи, Гармс, ведь, Цургейдены – очень богатые люди?

Старый слуга утвердительно закивал головой.

– Да, наш сеньор, наверное, имеет несколько миллионов, но из этого еще ничего не следует: ты не можешь рассчитывать ни на один пфенниг!

– Неужели? Но я слышал от людей, что мы – последние в роде Цургейденов. Кто же тогда должен наследовать после дяди, в случае его смерти, все эти капиталы?

Гармс задумчиво покачал головой:

– Бог знает кто, но только не ты, мой мальчик, никак не ты, так как недавно он составил завещание, а в этом не было бы никакой надобности. Если бы он собирался оставить весь свой капитал единственному законному наследнику, то есть тебе: ведь ты – единственный сын его единственного брата, никаких других родственников у вас нет... Но что об этом говорить! Ты еще слишком молод для таких рассуждений. К тому же пусть твой почтенный дядюшка оставляет свой капитал кому ему угодно, хоть рыбам в Эльбе, меня это нимало не печалит, так как должен тебе сказать, и я, со своей стороны, тоже написал завещание по всем требованиям закона, которое хранится у нотариуса. В нем твое имя стоит подле довольно кругленькой цифры, могу тебя уверить. Ну, и баста! Все это будет твое! Того хочу я, Петр Леберих Гармс, гамбургский мещанин и землевладелец, как и твой почтенный дядюшка, сенатор и оптовый торговец... Ну, да все это к делу не относится...

Бенно улыбнулся, растроганный и смущенный.

– Какой ты добрый, хороший человек, Гармс. Я от души благодарю тебя, но желаю, чтобы ты прожил еще многие годы, пользуясь всем, что по праву принадлежит тебе! Дай тебе Бог дожить до того времени, когда тебе дано будет увидеть, что я стал человеком, который может сам заработать свой кусок хлеба. Но теперь ты мог бы сделать мне одолжение, если бы только захотел.

– Ну, какое же? – спросил старик.

– Расскажи мне что-нибудь про моего покойного отца!

Старый слуга как будто колебался с минуту и, вынув изо рта свою трубку, задумчиво посмотрел перед собой.

– Про твоего отца, Бенно? Да, прекрасный он был господин, ласковый и добрый...

– Да, ты часто говорил это мне, а бабушка показывала мне иногда его портрет и при этом всегда горько плакала. Почему же в нашем доме никогда не говорят и не упоминают о моем отце? Почему самое имя его предано здесь забвению? Знаешь, что мне думалось иногда?..

Старик отвернулся немного в сторону, пробормотав: «Глупости, пустяки»...

Глаза Бенно вдруг вспыхнули каким-то особым огнем, яркий румянец покрыл его щеки, и он сказал слегка дрогнувшим, взволнованным голосом.

– Знаешь, Гармс, мое подозрение теперь еще более окрепло. Хочешь, я скажу тебе сейчас, что я думаю... Есть что-то такое по отношению к моему отцу, о чем должно умалчивать, что-то нужно скрывать от всех! Есть какая-то мрачная тень, скрывающая нечто недоброе, и в этом ты меня не разуверишь. Это чувствуется само собой, и ты, конечно, не станешь отрицать, что мое предположение верно. Не так ли?

– Нет, не так! И для того, чтобы ты не придумывал о своем отце никаких глупых историй и в конце концов не стал бы считать его дурным человеком, я уж лучше расскажу тебе всю правду. Ну, слушай же! В течение целых трех веков Цургейдены из рода в род прилежно подводили счета, сидя за конторкой с ранней молодости и до глубокой старости. «Цургейден с Сыновьями» – так издавна звалась их фирма. Все они были купцы, торговцы и судовладельцы вплоть до твоего отца. Он был человек с новыми воззрениями, и в этом состояло все его преступление. Ну вот, теперь ты знаешь все!

Бенно отрицательно покачал головой.

– И только это? Больше ничего?

– Ну, и еще кое-что другое, – сказал старик, – покойный никогда не умел беречь деньги. Он любил и ласковый солнечный свет, и беззаботный смех, и дружескую беседу, тогда как брат его только одно и знал, только одно любил, об одном и думал: цифры, цифры и цифры. Вот почему братья никогда не ладили между собой и наконец окончательно разошлись.

– Так, значит, мой отец умер не здесь?

Гармс как бы случайно отвернулся в сторону и коротко ответил:

– Нет, не здесь!

– Но кем он был? Чем занимался при жизни мой отец?

– Он был студентом, изучал разные науки и расходовал очень много денег.

Бенно провел рукою по лбу и спросил:

– Он, значит, был мот и расточитель? Да?

Старик кивнул головой.

– Да, – сказал он, – мот и расточитель, но чудный, честный, благородный человек, всеми уважаемый и любимый. Только вот деньги буквально таяли у него в руках. Горсть золотых гамбургских дукатов была для него сущий пустяк; всего одна минута – и все эти червонцы мигом исчезали, точно у них вдруг разом вырастали крылья.

Все это старик говорил таким тоном, точно это были самые похвальные качества покойного.

– У каждого человека есть какой-нибудь недостаток, – продолжал он, – только не всегда так раздувают их! Впрочем, ты об этом лучше совсем не думай, но знай, что цургейденские деньги ничем не лучше моих, а мои тебе обеспечены, мой бедный мальчик! Ну, и баста! Иди себе наверх в свою комнату и посмотри на обычном месте: я припрятал тебе там горсточку слив.

Бенно встал.

– Ты полагаешь, что мне лучше вовсе не заходить в общую комнату, Гармс?

Старик потряс головой.

– Да, так будет лучше, дитя мое, барометр стоит сегодня низко и предвещает бурю!

– Уж не из-за меня ли опять? – спросил встревоженно юноша.

– Не то, чтобы из-за тебя. Но старики наши сегодня взволнованы! Зачем тебе впутываться в их неприятности?

– Ну да, конечно! Спокойной ночи, Гармс!

– Спокойной ночи, дорогой мой, не забудь же взглянуть в трубу твоей печки!

– Да, да! – И мальчик побежал наверх. Крадучись, пробирался он мимо общей комнаты по совершенно темному коридору, как вдруг услышал, что кто-то произнес его имя, и это заставило его на минуту приостановиться.

– О чем вы плачете, мамаша? – говорил сенатор, – уж не опять ли о Бенно? Вам все кажется, что ему недостаточно хорошо живется!

– Нет, почему же мне плакать о Бенно, Иоханнес? – отвечал тихий женский голос, похожий на вздох. – Разве он не получает самые лучшие отметки, разве он не на лучшем счету у начальников? Но меня огорчает, что ты не любишь его, что ты преследуешь в этом невинном ребенке память о его покойном отце, которого ты своей жестокостью и нетерпимостью вогнал в гроб!

Сенатор насмешливо фыркнул.

– Упреки! – сказал он резким тоном, – право, можно было бы с большим правом сказать, что память о нем по настоящее время нарушает наш семейный мир и вызывает постоянно досаду и раздражение. Но вот теперь я знаю, о чем вы плачете. Сегодня день рождения Теодора, не так ли?

Ответом было подавленное рыдание старушки. Бенно чувствовал себя также крайне взволнованным. Сегодня день рождения его отца, а где та одинокая могила, о которой даже он, его сын, не знал? Чья рука когда-либо положила венок на эту позабытую всеми и заброшенную могилу?

– Я разыщу эту могилу, – подумал мальчик, – будь она хоть на краю света. Расспрошу о ней и Гармса: он, наверное, знает!

– Вы говорите, что я не люблю мальчика, – продолжал сенатор резким ледяным тоном, – и говорите это так, как будто это несправедливость или преступление с моей стороны, но насколько еще хватит в этом отношении моего долготерпения, я, право, не знаю. Вчера я встретил классного преподавателя Бенно...

– Ну что ж, он не мог тебе сказать о нем ничего, кроме хорошего!

– Ну, этого я еще не знаю. Он говорил, что Бенно учится шутя и что, хотя он первый в своем классе, но склонен к легкомыслию. Всякая шалость, всякая глупость его товарищей – его выдумка, всякая их проделка нравится ему и встречает его одобрение... Вы, думаю, знаете, насколько мне ненавистны подобные вещи, мамаша?..

– Да, ты совершенно другой человек, Иоханнес! Я признаю все твои достоинства, но, наряду с ними, не могу не порицать твоей нетерпимости. Нельзя же требовать, чтобы шестнадцатилетний мальчик думал и чувствовал, как ты, седовласый старик!

– По крайней мере, он должен приучаться к этому! – энергично воскликнул сенатор. – Я надеялся после сдачи выпускных экзаменов взять его учеником в нашу контору, но вижу, что теперь мне окончательно приходится отказаться от этой мысли. После того, что мне рассказал его учитель: нечто похожее на штучки его папеньки.

– Нет, нет, не говори ты так! Теодор никогда не делал ничего дурного, ничего такого, что бы могло служить обвинением для него перед Богом или передо мной, слышишь?

– Думайте, что хотите, но позвольте и мне делать то же. Вот что рассказал мне его учитель. Есть в классе Бенно один преподаватель, очень близорукий. Он очень строг, и мальчуганы его не любят. И вот они придумали повесить над его головой бумажную куклу, и всякий раз, когда близорукий учитель склонится над своей книгой, кукла эта, подвешенная на веревочке, спускается к нему на голову и щекочет его по лбу. Он, думая, что это муха, пытается ее согнать, но в этот момент кукла поднимается вверх. Едва только начинает он читать, повторяется та

же шутка. И, как ты думаешь, кто ее изобрел? Кто держал ниточку, на которой спускалась эта кукла? Господин Бенно Цургейден! Тот учитель, который рассказал мне это, видел все своими глазами.

– Ну, и Бенно, конечно, был наказан!

– Нет, современное воспитание преследует какие-то особые цели: учитель преспокойно вошел в класс, все видел и затем сказал: «Цургейден, выйдите и позовите сюда классного слушателя». А когда тот явился, он так же спокойно приказал ему. «Перережьте эту нитку и уберите то, что тут висит». Бенно стоял красный, точно вареный рак, но больше не было и речи об этой истории!.. Нет, такой пустой, такой легкомысленный человек непригоден мне в конторе. И знаете, чем этот учитель еще порадовал меня?

– Чем?

– Он сказал мне: «Ваш племянник – талант. Вы бы послушали, как он декламирует, у него артистическая натура и наклонности». Ха, ха!.. Как вам это нравится? Я уже подумываю отдать его в чужие, руки, поместив где-нибудь в чужом доме! Когда я не буду ежедневно видеть его, это будет для меня большим облегчением!

С уст старушки сорвался какой-то неясный, подавленный звук.

– Нет, нет, Иоханнес, этого не будет! Если только не хочешь вогнать в гроб твою мать, да, вогнать в гроб! Ах, Боже мой... я не могу... я...

– Полноте, мамаша, вам не следует так волноваться. Спокойной ночи, я сейчас же пришлю вам девушку! – и он дернул звонок.

Бенно тихонько добрался до своей комнатки наверху и запер за собой дверь на ключ.

Итак, дядя хотел отдать его в чужой дом, изгнать его отсюда из-за этой бумажной куклы! Конечно, уйти из этого дома ему было страшно, но еще оскорбительнее было сознавать, что это своего рода изгнание, опала. Для впечатлительного мальчика эта мысль была чрезвычайно обидной. И все события дня воскресали и сливались у него в одно горькое, обидное чувство.

Он сел к окну закрыв лицо руками и сидел неподвижно, подавленный, разбитый и усталый.

Теперь его товарищи, думалось ему, сидят все в кругу родной семьи и рассказывают о веселом событии, об удивительном подвиге его, Бенно, с дрессированным ослом, и собираются на следующий день отправиться в цирк. Что-то кольнуло в сердце бедного мальчика. Ему казалось, что он видит ласковые лица их матерей, веселые, смеющиеся глазенки сестер и младших братьев, слышит, как они говорят: «Бедный Бенно, как безрадостно проходят его молодые годы, – там, в этом мрачном неприветливом доме, он живет, как в тюрьме». Как часто приходилось ему слышать такие слова! Бенно глубоко вздохнул. К нему никогда не смел прийти ни один товарищ! Когда кто-либо хотел его видеть, то приходил под окно и свистом вызывал его на улицу. Вспоминались ему и последние слова товарищей, когда он расстался с ними сегодня на улице, их вопросы, удивление. Как тяжело было ему все это!

И мальчик горько плакал, закрыв лицо руками. Сливы в трубе его печки остались нетронутыми. Бенно бросился на постель и долго рыдал, пряча лицо в подушку, пока наконец усталость не взяла свое, и он только после полуночи заснул тяжелым мучительным сном.

На следующее утро в классе только и было разговоров, что о цирке и первом вечернем представлении. Все собирались побывать там. Сам Рамиро, директор цирка, успел уже побывать во всех домах богатых и знатных людей, умело и красноречиво предлагая почтить его представление своим присутствием и вручая тут же билеты для входа.

– Неужели твой дядя не возьмет билета? – спрашивали товарищи Бенно.

Мальчик, вздыхая, отрицательно качал головой.

– Такого человека, как цирковой наездник, он не пустит даже на порог своего дома!

– Ну, в таком случае ты отправишься с нами! – сказал Мориц. – Моя мама это сразу решила!

– Или же с нами, так как без тебя, Бенно, все веселье пропало! – воскликнул другой мальчик.

Бенно отрицательно качал головой!

– Нет, нет, господа, не мучайте меня! Для меня это невозможно!

Но сердце его болезненно сжималось, и страстное желание присутствовать на представлении все сильнее и сильнее овладевало им. Что за чудные лошади! А лошади – это главная страсть Бенно. Почему бы ему не пойти туда, за заставу, в предместье Сент-Паули? Ведь это ему никогда не воспрещалось! И, надев фуражку, юноша вышел на улицу. Уже издали до него стали доноситься звуки громкой музыки. Высоко над полотняной крышей балагана развевался в воздухе громадный флаг с изображением герба города Гамбурга. Вокруг дощатого балагана шел громадный забор, огораживающий просторный двор. Уличные мальчишки всех возрастов всячески старались взобраться на этот забор, чтобы заглянуть внутрь двора. Но внезапно над забором появилась чья-то рука в розовом трико с длинным хлыстом, и вся эта гурьба, словно зрелые яблоки с дерева, посыпалась на землю. Обладатель руки в розовом трико взглянул сквозь щель забора, и глаза его встретились с глазами Бенно. Оба они сразу узнали друг друга.

– Здесь рядом боковой ход, молодой человек, – вымолвил, любезно улыбаясь, сеньор Рамиро, – сделайте милость, войдите!

Сердце Бенно забилося сильнее. Он увидит теперь даже больше, чем его счастливые товарищи, взявшие лучшие билеты в кассе: он увидит не только представление, но и закулисную жизнь этих артистов, кочующих в повозках, с ящиками и дрессированными животными!

– Вы имеете что-нибудь сказать мне, господин директор? – спросил он, снимая фуражку и вежливо раскланиваясь, в свою очередь.

– Да, мне крайне необходимо поговорить с вами!

Калиточка отперлась изнутри, и Бенно проворно проскользнул в огороженное пространство.

Рамиро крепко пожал ему руку, проговорив:

– Добро пожаловать, молодой человек! Позвольте мне узнать ваше имя!

Бенно назвалсся и спросил:

– Что вы имели сообщить мне, господин директор?

– Нечто важное, но прежде всего пойдемте со мной: я представлю вас госпоже директорше и моей дочери!

Бенно внутренне улыбнулся, но последовал за Рамиро, по пути любезно раскланиваясь с самыми разными группами лиц в странных нарядах, занимавшихся своими делами здесь же, между нагроможденными ящиками и повозками. Все это было похоже на цыганский табор.

Вечер был тихий и теплый, а потому эта маленькая странствующая труппа занималась своими хозяйственными делами тут же, под открытым небом. Весь этот ложный блеск, вся эта мишура, яркие тряпки пестрых нарядов, бумажные короны и фальшивые камни производили на Бенно, который никогда еще не видел всего этого вблизи, какое-то странное впечатление. Девушка в кокетливом наряде испанки старательно чистила картофель, тогда как рослая красивая матрона в ярко-красном шелковом платье, стоя в величественной позе, мешала что-то в громадном котле, подвешенном над огнем. Тут же играли дети и уныло бродила ученая коза с вызолоченными рогами. Неподалеку стоял и Михаил, все такой же бледный, с большими мечтательными глазами, и резал репейник в ясли Риголло. Из-за забора доносился веселый говор и смех все прибывающей толпы, а здесь, в огороженном дворе, сыпались шутки и остроты этих пестро разряженных беспечных и беззаботных людей, умевших брать от жизни все, что она могла им дать, и делить между собой безропотно и горе, и нужду, и удачу, и достаток.

Бенно почувствовал, как у него все легче и легче становилось на душе среди этих взрослых людей, бесхитростных и простодушных. Когда же он вспомнил о том мрачном доме, где

все как будто вымерло, где не только веселый смех или острая шутка считались преступлением, но даже бледная улыбка на молодом лице вызывала негодование и раздражение, сердце его невольно сжалось: да разве это жизнь? Нет! Просто какое-то жалкое, печальное существование, от которого невольно застывала кровь, черствело сердце и угасали чувства.

– У меня, господа, появилась блестящая мысль! – торжественно воскликнул Рамиро. – Выслушайте меня!

Великанша в ярко-красном платье, мешавшая ложкой в котле, зачерпнула своей стряпни и, попробовав ее, весело воскликнула: «Это за твоё здоровье и преуспевание, Рамиро, и за твою блестящую мысль!»

– Благодарю, моя добрая Хуанита, – моя супруга! – добавил он вместо представления, указав Бенно грациозным жестом на великаншу, – благодарю тебя, хотя ты выпила за мой успех и не благородного вина, а простой похлебки, но тут всего важнее пожелание!.. Что с тобой, Михаил? – обратился он вдруг к бледному юноше, – что ты заслоняешь собой нашего Риголло, как будто ему грозит опасность?

– Он боится, сеньор, и весь дрожит!

Рамиро подошел к серому и, взяв за повод, вывел вперед. Животное упиралось, не хотело идти, очевидно, узнав Бенно.

– Прекрасно! – сказал директор цирка с довольной улыбкой, – это как раз то, что мне нужно! Теперь выслушайте мою мысль, – обратился он ко всем присутствующим. – Вы, конечно, знаете, друзья, что тому, кто трижды объедет арену на нашем Риголло и не будет сброшен им на землю, обещана тысяча талеров?

– Да, обещана! – комически вздохнула г-жа директорша.

Все рассмеялись. Рамиро продолжал.

– Конечно, найдутся желающие попытаться счастья, и вот, после того, как многие мужчины и мальчишки-подростки один за другим «закопают редьку», нырнув головой в песок, появись вы, молодой человек, через боковую дверку, как будто также из публики...

– Я?! Помилуйте, господин директор, как вам могла прийти подобная мысль?!

– Погодите, молодой человек! Вы появись в громадном белом чепце, под видом веселой, слегка нарумяненной старушки, в громадном кухонном фартуке с косынкой на груди, с большой ложкой вместо хлыста, и сделаете свое дело, как вчера. Ну, не блестящая ли это мысль, господа?

И мадам Хуанита, и артист в телесного цвета трико, и «человек-змея», и хорошенькая испанка, – все разом захлопали в ладоши:

– Да! да! Это должно произвести фурор!

Даже сам Бенно невольно рассмеялся.

– Я – в образе старушки!

– Ну, да, конечно, вы! Давайте сейчас попробуем!

– Нет, нет! Это совершенно невозможно!

– Помилуйте, эта маленькая проба ведь ни к чему не обязывает вас, почему же вы отказываетесь? Прошу вас, повернитесь немного в эту сторону, молодой человек, вот так! Прежде всего румяна!

И щеки Бенно мгновенно получили кирпично-красную окраску. Брови, подведенные углем и легкий слой пудры на лбу и подбородке до того изменили юношу, что даже сам он, взглянув в зеркало, которое держала перед ним испанка, не узнал себя.

– Ну, а теперь живей большой чепец и фартук!

Но молодая девушка подавала уже и то, и другое.

– А вот и платье, которое может одеть молодой господин, папа! – проговорила она.

Бенно сбросил куртку и переоделся. И как при этом весело смеялись все присутствующие!

– Попробуйте-ка проехаться! – сказал Рамиро, – вы еще успеете: касса откроется еще только через четверть часа!

– Где? Там, на арене?

– Да, конечно, здесь почва чересчур неровная!

Бенно рассмеялся. Рамиро взял под уздцы осла и вывел его на арену. Следом за ним двинулись туда и все присутствующие, в том числе и переодетый Бенно. Сердце его усиленно билось; какое-то непонятное чувство не то робости, не то смущения овладело им.

– Не робейте, молодой человек, у вас несомненный комический талант и наездник вы превосходный! Держитесь только немного жеманно, как будто вы смущены и все же не можете устоять против искушения попытаться добыть кругленькую сумму. Размахивайте юбкой в обе стороны, пусть публика смеется над вашими ужимками! Вот так!..

Бенно, прихватив с обеих сторон двумя пальцами свое платье, вышел на арену, помахивая юбкой и жеманно выступая, причем его громадный чепец как-то особенно забавно покачивался из стороны в сторону, так что все присутствующие не могли удержаться от смеха.

– Прекрасно! Превосходно! – ободрял его Рамиро. – Теперь попробуйте вскочить на осла!

Бенно с разбега мигом вскочил в седло, но едва только успел это сделать, как бедняга, подняв морду кверху, жалобно взвыл, затем, поджав хвост, мелкой рысцей побежал вокруг арены с низко опущенной головой и подавленным видом. Все неудержимо засмеялись, даже сам Бенно. Когда Рамиро поднимал свой хлыст кверху, Риголло делал слабую попытку взбрыкнуть, но затем снова продолжал трусить мелкой трусцей с самым покорным видом.

– Браво! Браво! Брависсимо! – звучало со всех сторон.

– О, эта затея сулит нам громадный успех! – воскликнул директор, – по этому случаю мы можем даже увеличить цены!

– Но ведь это же невозможно, – бормотал Бенно, – право, это совершенно невыносимо!

Тогда великанша подошла к нему и растроганным, умоляющим голосом проговорила:

– Ах, молодой человек, ведь вам это ничего не стоит. А я прошу вас, сделайте для нас это большое одолжение! Там, в фургоне, у нас лежит больное дитя. Быть может, бедный ребенок скоро умрет, у него чахотка. А мы не знаем, как обеспечить ему хоть какой-нибудь уход, как позвать врача, так как даже за место это еще не заплачено в городскую управу!

– Хуанита! – тревожно прервал ее директор. Но великанша повелительно взглянула на него, и он смолк.

– Почему же молодому господину и не знать этого, – сказала она, – в этом нет ничего дурного! И я прошу, очень прошу вас, молодой господин, вставьте в нашу сегодняшнюю программу этот номер. Этим вы сделаете настоящее доброе дело!

– Ну, хотя бы только сегодня! – прибавил со своей стороны директор.

– Пусть так! – решил Бенно, – только сегодня, не более, так как я веду тут слишком опасную игру: что, если кто-нибудь из моей семьи узнает, что я публично выступал на сцене?!

– Ну да, ну да, я отлично понимаю, что бывают такого рода обстоятельства – предрассудки, в силу которых некоторые люди гнушаются артистов, гнушаются таланта!.. Да, да, вы правы, я не смею настаивать...

– Так сегодня только!.. Не больше! – повторил Бенно.

Рамиро и великанша переглянулись. «Пусть только попробует, – подумал Рамиро, – специфический успех опьяняет и завлекает, как хорошее крепкое вино, пусть только попробует сегодня!»

– Пора, Педрильо! – сказал он, взглянув на свои часы и обращаясь к «человеку-змее», – пора, мой милый!

Тот на руках прошелся до стены, снял ногами с гвоздя старую медную трубу и затрубил в нее, словно он, подобно древнему пророку, собирался этими трубными звуками заставить пасть стены своего балагана.

II

Безумный. – Пантомима в цирке. – Дебют на осле Риголло. – Привратник. – Беспощадный дядюшка и верный слуга. – Тайна дома Цургейденов.

Толпа заволновалась и, точно бурный поток, прорвавший плотину, устремилась в деревянный балаган. Перед входом у маленького столика за кассой сидела испаночка и с самым беззаботным видом, но в тайне с сильно бьющимся и замирающим сердцем принимала плату за вход.

Бенно, притаившись за занавесом, видел, как вошли в зрительный зал и заняли целых две скамьи сплошь его одноклассники. Все они были здесь сегодня.

Вскоре весь цирк был полон до того, что некуда было яблоку упасть, Рамиро расцвел от удовольствия.

Началось представление. Первый номер исполнил Пьерро, затем ученые обезьянки стреляли из пистолетов, маршировали под барабан, причем одна из них была за барабанщика и проделывала множество забавных трюков. После них увеселяла зрителей ученая коза, балансировавшая на четырех тарелках, поставленных на горлышки четырех бутылок.

Бенно наслаждался всем этим из-за занавеса, как вдруг почувствовал, что кто-то коснулся его плеча. Это был Михаил.

– Что вы, милый Михаил?

– Почему вы не хотите мне довериться, добрый господин? Я чувствую, что вы знаете с тайными силами природы и черной магией.

– Да с чего вы это взяли, Михаил? Никакой черной магии и не существует!..

Бедняга даже испугался.

– Нет, нет, вы ошибаетесь, если бы не было колдовства, мы, люди, никогда не могли бы беседовать с русалками!

– Но чего же вы хотите от русалок, милый друг? – спросил его Бенно.

Глаза Михаила вдруг разгорелись особым огнем, и щеки вспыхнули румянцем.

– О, если бы вы могли мне устроить встречу с ними! – прошептал он дрожащими губами.

– Но это невозможно, мой бедный Михаил!

– Невозможно! Я этому не верю!.. Если я только буду терпеливо ждать до того времени, когда вы найдете это удобным, то я уверен, что мое желание исполнится. Почему бы вам в самом деле не доставить мне это счастье?

– Михаил! Михаил! Где ты там? – крикнула вполголоса великанша, – поди сюда!

Бедняга побежал на зов, а Бенно снова стал смотреть на то, что делалось там, на арене ярко освещенного цирка. А там как раз начиналась большая, очень забавная пантомима. После нее следовало представление ученого пуделя, затем очередь была за Бенно. Риголло вел себя прелестно. Сначала он казался кроток и смирен, как овечка, но когда на предложение директора цирка попытаться добыть тысячу гульденов искусством езды на этом осле, трижды объехав вокруг арены, не будучи выбитым из седла, вызвались сперва один из товарищей Бенно, затем другой, – оба они на первом же круге полетели через голову на песок.

Наконец выступил на сцену Бенно. При одном его виде осел задрожал от страха и жалобно взвыл, а когда тот вздумал вскочить на него, убежал в конюшню, высоко задирая ноги, что вызвало неудержимый смех в публике. Но Рамиро тотчас же снова вывел осла на арену и на этот раз дал Бенно вскочить на него. Далее все было проделано точно так же, как во время репетиции, и успех этой веселой шутки превзошел все ожидания.

И осла, и наездницу шумно вызывали, требовали повторения, предлагали за этот номер повторную плату. Многие из товарищей были уверены, что узнали в старухе Бенно.

– Ура! Ура! Бенно! – кричали многие голоса.

– Да, да! Ура, старуха с поварешкой!

– Повторить! Повторить! – слышалось со всех концов.

Между тем Бенно уже давно сорвал с себя чепец и фартук и старательно смывал румяна.

– Да, да! Неслыханный успех! – говорил Рамиро, седлая вороного, – нечто невероятное, моя дочь обходит с тарелкой, люди бросают в нее деньги, как будто это опавшие осенние листья. Да, вот оно, торжество искусства!

А мадам Хуанита, подойдя тем временем к Бенно, ласково опустила руку на его плечо и сказала голосом, в котором слышались слезы:

– Благодарю вас, молодой господин, благодарю за каждый шиллинг, который мы получили благодаря вам! Господь благословит вас за то, что вы сегодня сделали для нас.

– А завтра будет продолжение, не так ли? – засмеялся «человек-змея».

– Нет, это совершенно невозможно, – отвечал Бенно, – я заранее предупреждал, что это будет единственный раз. Имей я деньги, я с радостью отдал бы их вам, мадам, но вторично проделать это представление, право, не могу! – и, пожав всем присутствующим руки, Бенно направился в сопровождении Михаила к боковой калиточке, ведущей на площадь.

– Видите вы там эти таинственные видения? – робким шепотом спросил юноша, наклоняясь к самому уху Бенно.

– Это белое там, над городским рвом, просто туман, мой друг, и больше ничего!

– Нет, я уж знаю! Это – покровы, все застилающие собой! Давно, как-то раз, мне удалось проникнуть под эти покровы, и теперь я знаю... Не ходите вы туда, Бога ради, молодой господин, не подходите к ним близко! – молил бедняга.

– Нет, нет, Михаил, вы можете быть спокойны, я туда не пойду!

– Спокойной ночи! Меня зовут!..

– Спокойной ночи! – отозвался Бенно и вышел за калитку.

Под свежим впечатлением всего пережитого, а главное, одуряющего успеха и громких оваций, Бенно незаметно дошел до городских ворот; теперь ему хотелось как можно скорее вернуться.

Позади уже слышались голоса его товарищей. Очевидно, представление кончилось, и они тоже спешили теперь домой веселой гурьбой, как всегда, громко разговаривая и делясь впечатлениями вечера. Бенно решил дожидаться их, чтобы идти вместе. Но вдруг, когда товарищи его уже поравнялись с ним и обступили его со всех сторон, за его спиной точно из-под земли выросла высокая фигура старика с палкой под мышкой, большими круглыми очками на носу, в опрятном, но довольно поношенном платье, который так и впился глазами в Бенно. Это был господин Мельман, правая рука главы торговой фирмы «Цургейден с сыновьями», чуть ли не целых пятьдесят лет прослуживший в конторе этой фирмы, такой же человеконенавистник, такой же скряга, такой же ярый противник всяких увеселений и развлечений, как и сам сенатор Цургейден.

– Ну-с, молодой человек, – вымолвил он, усиленно покачивая головой, – что это еще за новости, какими это вы судьбами в полночь попали сюда, за городскую заставу, в предместье Сент-Паули! А?

Подавленный смех мальчуганов был ответом.

– У меня только десять минут одиннадцатого, – сказал один из мальчиков, – не знаю, почему у вас уже полночь!

– Плюнь, Бенно, на это старое пугало, пойдем своей дорогой, – говорил другой.

Но старик загородил Бенно дорогу и, стоя напротив него, сердито постукивал своей палкой о плиты панели.

– Ну-с, сударь, спрашиваю вас, известно ли господину сенатору, что вы в такое время ночи находились еще за чертою города?

– Господин Мельман, – сказал Бенно насколько мог спокойно, – я действительно немного запоздал с моими товарищами, но в этом, полагаю, нет ничего особенно дурного. Что касается того, что я был за городом, это мне никогда не было запрещено!

– Во всяком случае, я сообщу об этом господину сенатору. Это моя священная обязанность, а я за всю свою жизнь не нарушал никогда своих обязанностей и честно служил своей фирме. Ну, а теперь – марш!

И он быстро зашагал вперед. Мальчики поотстали от него и дружной толпой провожали своего любимца, всячески выражая ему свое сочувствие и негодуя на старого соглядата и доносчика.

На прощанье все они дружески пожимали ему руки и еще долго смотрели ему вслед даже тогда, когда он уже скрылся в длинном темном проходе цургейденского дома.

– Ай, ай, голубчик, поздненько ты сегодня задержался, ведь скоро одиннадцать часов! – полудосадливо, полущутливо сказал старый Гармс, запирая за ним двери.

– А что? Спрашивали меня?

– Кто тебя станет спрашивать, бедняга? Кто о тебе заботится или беспокоится? Бабушка не смеет, а дядюшка не хочет! Вот, на тебе свечу: на лестнице темно, да разуйся лучше здесь, чтобы не стучать сапогами, и ступай осторожней по полу, мой милый!

Закончив это наставление, старик случайно взглянул в лицо своему любимцу и даже испугался.

– Как ты бледен, родной мой! Уж не болен ли ты?

– Нет, нет, Гармс, это тебе только так кажется!

– Ну уж, не знаю, а только выпей рюмочку доброго винца, это тебе не повредит!

Бенно повиновался, затем осторожно стал пробираться в свою комнату. Плотно закутавшись в одеяло, бедный мальчик, несмотря на теплую летнюю ночь, дрожал, как в лихорадке. Что-то принесет ему наступающий день? – вопрос этот гвоздем засел у него в голове.

Долго-долго не мог заснуть бедняга, а на следующее утро проснулся со страшной головной болью, его знобило, и он был бледен, как полотно, но, несмотря на все это, пошел в гимназию: просидеть целый день одному в крошечной комнатке, не видя ни одной живой души, не имея возможности с кем-нибудь перемолвиться словом, было совершенно невыносимо.

Но вот, по окончании занятий, волей-неволей приходилось идти домой, а дома предстояло неизбежное объяснение с дядей, объяснение, в котором он, Бенно, не мог скрыть случившегося, не мог, если не хотел лгать, а лгать он не хотел: пусть будет, что будет, а надо идти навстречу неизбежному!

У калитки его поджидал Гармс. Его доброе старческое лицо казалось встревоженным и взволнованным.

– Слушай, – сказал он, – господин сенатор спрашивал тебя и приказал, чтобы, как только ты вернешься, сейчас же шел к нему!

– Хорошо, иду! – отвечал Бенно, и как ни готовился он к этому объяснению, все же сердце его судорожно забилося при словах старика.

Гармс тихонько вздохнул.

– Знай, голубчик, что сенатор сильно не в духе, – шепнул он на ухо своему любимцу, – видно, ему опять насплетничали что-нибудь! Но если с тобой случится беда, не забывай, что я здесь, во мне ты всегда найдешь и опору и поддержку, мой милый мальчик!

– Знаю, мой добрый Гармс, мой верный и надежный друг! – растроганным голосом сказал мальчик и, положив фуражку и книги на стол в своей комнате, прошел в общую комнату, где его ожидал дядя.

Тот прохаживался медленными шагами от окна к двери и от двери к окну, у которого сидела в своем кресле бабушка, тревожно ожидавшая прихода своего внука.

– Подойди-ка сюда, – сказал сенатор, увидав входящего Бенно, – я хочу получить от тебя одно разъяснение. Мельман сказал мне, что видел тебя вчера в одиннадцатом часу ночи за городскими воротами! Правда это?

– Да, дядя!

– Где же ты изволил быть в такое позднее время?

Бенно, собравшись с духом, твердо и спокойно отвечал:

– На Поле Святого Духа в Сент-Паули!

– Что я слышу! У паяцев и канатных плясунов! И Гармс дал тебе, конечно, деньги на это!

– Нет, Гармс и сейчас ничего не знает об этом!

– Так кто же дал тебе деньги?

– Никто! Я не платил за вход! Я случайно попал в цирк!

– Так эти бродяги – твои друзья?! Цургейден пробирается в боковую дверку балагана и заводит дружбу с цыганами с большой дороги! Прекрасно, нечего сказать! Уж не собираешься ли ты и сам стать фигляром?

Слабый крик, сорвавшийся с губ бедной старушки, прервал жестокую речь сенатора:

– О, Иоханнес! Как тебе не грешно? Какого мнения будет о тебе этот мальчик?

– Смотрите! Смотрите, мамаша, как он покраснел! Это краска стыда! Спросите его сами, проделывал ли он там, в обществе этих бродячих оборванцев, разного рода фиглярства или нет! Спросите его сами! Ведь вы еще недавно уверяли, что он никогда не лжет!

Полуразбитая параличом старуха сделала усилие и, дрожа всем телом, приподнялась немного в своем кресле, протянув вперед свою здоровую руку.

– Поди ко мне, мой бедный мальчик! – воскликнула она, – поди ко мне! Если ты даже раза два действительно проехался на цирковой лошади, то какой справедливый и разумный человек счел бы это за преступление?

Бенно смело взглянул в глаза сперва дяде, потом бабушке и сказал:

– Бабушка, милая, я признаюсь вам во всем! Я только раз, один-единственный раз ездил на осленке. Я, конечно, не имел ни малейшего намерения этого делать, но эти бедные люди так просили меня ради их больного, умирающего ребенка, для которого они надеялись таким образом получить право на второй добавочный сбор, что я не сумел отказать им... но...

– Боже правый! Ты участвовал в представлении, несчастный? Нет. Это невозможно, невозможно! – вскричал сенатор.

– Простите, дядя, ведь я сказал...

– Нет, нет! Довольно!.. Терпение мое истощилось! Я хочу теперь знать еще одно, получил ли ты плату за свое лицедейство? Говори сейчас же!

– Конечно, нет! Как ты можешь думать о таких вещах, дядя? Простите мне еще этот раз, дядя, я обещаю вам впредь не быть столь опрометчивым в своих поступках!

– Довольно! Довольно я прощал! Ты предал мое имя на поругание! Твой отец тоже все давал обещания и затем продолжал тот же постыдный и легкомысленный образ жизни, как и раньше!

– Дядя! – воскликнул Бенно, весь вспыхнув, – оскорбляй меня, если хочешь, но не оскорбляй моего покойного отца! Скажи мне, в чем именно ты так жестоко упрекаешь его, ведь я уже теперь в таком возрасте, когда мне пора знать об этом!

– Молчи! – крикнул на него сенатор. – Твое дело повиноваться и больше ничего! Отец твой был недостойный человек, о котором только из великодушия молчат. Теперь ты знаешь это – и будет с тебя!

Глаза Бенно заискрились каким-то особым огнем.

– Это неправда! Неправда, дядя! – воскликнул он громко, – другие люди отзываются о моем отце с величайшим уважением и любовью!

Сенатор злобно закивал головой, едкая улыбка искривила его губы.

– Другие люди! Чужие, никогда не знавшие настоящего его характера, так как в нашей семье принято все скрывать от посторонних людей. Да... Но ты хотел знать, так узнай же, до какого падения, до какого преступления доходил твой отец! Ты сам того хотел...

– Иоханнес! – воскликнула старушка. – Иоханнес, как ты можешь так говорить! Бедный ребенок не должен ничего знать, слышишь, ничего! Я запрещаю тебе!

– Я – не ребенок, мне нельзя запрещать или приказывать! – сказал сенатор.

Старуха с трудом поднялась со своего кресла и неверной, шаткой поступью подошла к Бенно. Бледный, как мертвец, мальчик едва держался на ногах, предчувствуя что-то ужасное.

– Пойдем, дитя, уйдем отсюда! – шептала старушка, стараясь увлечь его за собой.

Но сенатор преградил ей дорогу.

– Нет, пусть он знает! – крикнул он. – Видишь, Бенно, левая рука твоей бабушки висит, как плеть! Видишь? Это сделал нож твоего отца!

– Молчи! Молчи! Ты должен молчать, когда тебе приказывает твоя мать, или ты забыл четвертую заповедь? – воскликнула старуха.

– Но я не хочу молчать! Разве не Теодор поразил вас ножом в плечо? Разве это сделал не ваш любимчик, не ваш баловень, которого вы обожали?..

– Теперь довольно, – прервал себя сенатор, задыхаясь, – теперь тебе кое-что известно о твоём отце, – иди же и рассуди хорошенько, кто прав: я или те люди, что отзываются о твоём отце с уважением и любовью!.. Иди!

Бедный мальчик едва расслышал последние слова дяди: в голове у него шумело, вся комната ходила ходуном; в глазах мелькали красные круги.

– Бабушка! Бабушка! Дорогая, неужели же это правда?! – с рыданием в голосе вырвалось у него.

– Правда, дитя мое, он ранил меня, но пока я жива, я никогда не поверю, чтобы сын мой поднял на меня руку умышленно! Нет, это была просто *нелепая случайность*!

– Кому же предназначался этот удар? – чуть внятно пролепетал мальчик побелевшими губами.

– Его собственной матери, как я тебе сказал! – со злобным ударением повторил сенатор.

– Это неправда, Иоханнес, неправда! Ах, Боже! – старушка пошатнулась, лишившись чувств, и, наверное, рухнула бы на пол, если бы Бенно не удержал ее в своих объятиях. Как перышко, донес он ее на руках до дивана и с тревожной заботливостью подложил ей подушку под голову.

– Ведь она не умерла, дядя? Смотри, какая она бледная...

Сенатор молча дернул звонок. На зов явилась служанка, которой он приказал помочь своей госпоже, после чего снова начал допрос Бенно. Мальчик подтвердил все, что говорил раньше.

– В таком случае ты узнаешь мое решение касательно тебя после, а пока не смей ни на шаг отлучаться из дома, даже в гимназию! Слышишь? – объявил дядюшка.

У Бенно даже сердце упало при последних словах дяди.

– Дядя! Неужели ты хочешь взять меня из класса?

– Нам не о чем больше говорить с тобой! Иди!

Мальчик молча вышел из комнаты и на цыпочках вернулся к себе. Тысячи разных вопросов вертелись у него в голове. Он сидел у окна, подперев голову рукой, и думы, одна другой мучительнее, не давали ему покоя.

Настало время ужина, но его не позвали к общему столу, а прислали ужин сюда. После ужина сенатор вышел куда-то из дома, – все затихло, точно вымерло кругом. В одиннадцатом часу вернулся Цургейден, Гармс запер за ним боковую входную дверь, и затем все опять стихло.

У Бенно стучало в висках, голова шла кругом. Он лег в кровать, но не мог заснуть. Вдруг он почувствовал, что дверь его комнаты бесшумно отворилась, и знакомый голос спросил:

– Ты еще не спишь, Бенно?

Мальчик протянул вперед руку.

– Ах, как хорошо, что ты пришел, Гармс! – и мальчик глухо зарыдал.

Старик дал ему выплакаться и, присев у его постели, тихонько гладил его рукой по плечу, а когда он затих, сказал:

– Ну, если ты еще не очень хочешь спать, то мы с тобой часочек поболтаем!

– Да, да, расскажи мне про отца!

– После, после, сперва ты расскажи мне, что там было с этими цирковыми наездниками...

– Как ты узнал об этом, Гармс?

– Видишь ли, Бенно, часто и стены имеют уши, а у нашей служанки Маргариты особенно тонкий слух! Что же, господин сенатор очень рассвирепел?

– Ах, Гармс, мне пришлось слышать такие ужасные вещи, не относительно себя, но...

– Да, да, знаю!

– Гармс, разве ты уже был тогда здесь, в доме? Все это было при тебе? Да?

– Да, да, только не торопись, я расскажу тебе все по порядку. Мы с твоим отцом и господином сенатором мальчиками вместе играли. Мой отец служил у твоего деда, и твою бабушку я помню еще молодой женщиной. Она послала меня к тебе и приказала рассказать тебе все, как было. Сама она еще очень слаба после вчерашнего. Я обещал ей, что расскажу тебе все по порядку.

– Ну говори же, говори!

– Не спеши! Видишь ли, твоя бабушка всегда особенно любила своего младшего сына, Теодора, твоего отца, во всем ему потакала и покрывала все его необдуманные поступки и проделки. Он в детстве был болезненным ребенком, и потому бедная женщина особенно привязалась к нему. Впрочем, это был умный, добрый и приветливый человек, но с одним недостатком, который и погубил его: он страстно любил карты и проигрывал огромные суммы!

– Ради Бога, Гармс, не утаивай ничего от меня!

– Нет, нет, будь спокоен! Итак, старший из братьев, Иоханнес, работал не покладая рук и не разгибая спины для того, чтобы, после нашествия французов, разграбивших весь наш город и пошатнувших нашу торговлю, поддержать фирму Цургеиден и не допустить ее до разорения. А младший в это время не думал ни о чем: ни о своем торговом деле, ни о поступлении в университет, о чем мечтала его мать, ни о выборе для себя какой-либо деятельности. Старший обдумывал каждый свой шаг, каждое свое движение, младший же всегда действовал по велению сердца, ничего не взвешивая и не обдумывая. Отношения между братьями всегда были натянутыми и скорее недружелюбными, а однажды настолько обострились, что от слов они перешли к действиям: господин Иоханнес схватил тяжелые каминные щипцы и замахнулся ими над головой брата, последний же, увернувшись от удара, схватил лежавший на столе нож и стал им обороняться.

– Скажи, Гармс, ты сам все это видел, да? – спросил мальчик, с трудом переводя дух от волнения.

– Нет, не я, а твоя бабушка, она была в это время в смежной комнате и сквозь стеклянную дверь все видела. В решительный момент бедная женщина бросилась между своими сыновьями, и нож попал ей в плечо. Все жилы и сухожилия оказались перерезанными, рана была смертельная, но со временем твоя бабушка поправилась, только рука ее и сейчас не действует.

– Что же случилось после того? – тревожно осведомился мальчик.

– Позвали врача, а братья вышли в коридор, обменялись там несколькими словами, а какими, – это никому неизвестно, и с тех пор младший вышел из родительского дома и уже не возвращался в него.

– Не получали ли о нем каких-нибудь вестей впоследствии?

– Никаких! – вздохнул старик, – он пропал бесследно. Вероятно, он давно уже умер!

– Так это еще неизвестно? Никто не может сказать с уверенностью, что он умер? Никто не знает даже, где он жил впоследствии? – воскликнул мальчик.

– Нет, о нем ничего не знают. Но я почти с уверенностью могу сказать, что он умер, так как я поднял всех на ноги, по поручению старой госпожи, чтобы разыскать его, и, несмотря на все мои усилия, мы нигде не нашли ни малейшего следа его. Ну, а теперь пора тебе спать! – добавил старик, подымаясь, чтобы идти.

Бенно удержал его за руку.

– Ах, если бы можно было знать, что отец мой и дядя говорили тогда в коридоре!

– Да уже верно не доброе, так как с тех пор господин сенатор никогда не проходит через коридор и приказал пробить маленькую боковую дверь. Это доказывает, что совесть у него не спокойна!..

Бенно молчал, губы его дрожали; он не в силах был произнести ни слова.

– Ну, спи, спокойной ночи, мой мальчик! – и, загасив свечу, старик опять так же неслышно вышел из комнаты и спустился вниз в свою каморку.

А мальчик лежал неподвижно на своих подушках и все думал и думал о том, что могло произойти между двумя братьями перед их последней разлукой.

III

Печальное расставание. – В Бразилию. – Неожданная встреча. – Алмазы Фраскуэло.

Прошло два томительных дня. Мальчик никуда не выходил из дома, он даже исхудал за это время. Гармс навещал его иногда и сообщал, что бабушка все еще больна, а господин сенатор все ведет какие-то таинственные переговоры с капитанами судов.

– Чует мое сердце что-то недоброе! – говорил старик.

Когда же на третий день мальчика позвали к дяде, старик сказал:

– Ну, теперь-то уж мы узнаем, в чем дело!

Бенно взглянул на себя в зеркало, лицо его было бледно как саван, а глаза горели твердой решимостью.

Он пробыл не более пяти минут в рабочем кабинете сенатора, но когда вышел оттуда, то в лице его произошла такая перемена, что Гармс, поджидавший его возвращения в коридоре, даже испугался. Мальчик едва держался на ногах, а лицо его было не только бледно, но какого-то землистого цвета. Старик едва успел подхватить его, чтобы не дать ему упасть на каменный пол. Бедняжка, не вымолвив ни слова, лишился чувств. Добрый старик отнес его наверх в его комнату и стал хлопотать около него. Вскоре мальчик очнулся.

– Скажи, мы одни, Гармс? – спросил он.

– Да, совершенно одни, мой дорогой!

– Так слушай, Гармс, дядя отправляет меня в Рио-де-Жанейро к одному знакомому торговцу, где я должен поступить в учение – сортировать кофе и склеивать пакетики. Я мечтал об университете, а вместо того...

– О-о! Это нечто неслыханное! Жестокий, бессердечный человек! Грех ему будет за это! – замахал руками старик. – И ты один отправишься в такое далекое путешествие?

– Нет, в пятницу отходит в Рио-де-Жанейро судно с немецкими эмигрантами. Среди них есть один человек, лично известный дяде, ему он и поручил меня!

– И тебя отнимают от меня, мой ненаглядный? – воскликнул старик, – навсегда, безвозвратно отнимают! Нет, знаешь, я поеду с тобой в Бразилию!

– Что ты, Господь с тобой, Гармс! Ведь ты всю свою жизнь боялся моря! Ну, где тебе на старости лет!

– Ничего, милый мой! Я все это превозмогу, вот увидишь, все превозмогу!

– Кто же будет управляться здесь с твоими домами и капиталами, старина, с теми домами и капиталами, которые ты завещаешь мне? Что же касается меня, то, как знать, быть может, все устроится к лучшему!

– Да, да, – закивал головой Гармс, – как видно, все потеряно! Да... все потеряно для меня! – И он закрыл лицо руками.

Бенно же бросился на кровать, закрыл глаза, и ощущение невыразимой слабости овладело всем его существом.

Вдруг старик сердито сдвинул брови, провел гребенкой по своим волосам, натянул на себя сюртук и поспешно вышел из комнаты, направившись прямо в рабочий кабинет сенатора, где и остановился в дверях, ожидая, пока тот обратится к нему.

– Ну, что скажете, Гармс? – спросил его хозяин.

– Попрошу вашу милость разрешить мне сказать вам несколько слов!

– Говорите, я слушаю!

– Я позволю себе припомнить вам то время, когда мы мальчиками играли вместе во дворе этого дома, вы, господин сенатор, я и еще один, третий...

– О нем прошу вас не упоминать, Гармс!

– Нет, я должен вам сказать то, что вам, наверное, говорит и ваша совесть. Вы своей нетерпимостью, своей жестокостью довели бедного Теодора до края гибели, толкнули его своими руками в пропасть и, быть может, даже толкнули его на смерть... Вы погубили его и теперь хотите сделать то же и с этим бедным мальчиком! Грех вам за это будет!

Цургейден насмешливо усмехнулся.

– Я знал, – сказал он, – что вы придете к этому заключению, Гармс! Но это ни к чему не приведет, я не изменю своего решения, а потому избавьте себя от бесполезного труда распространяться далее на эту тему. Повторяю, я никогда и ни за что не изменю своего решения!

– Никогда?! Ни за что! Вот как! Даже и тогда, если я откровенно заявлю вам, что не останусь более ни часа в этом доме, после того как Бенно уйдет из него?! Если он уйдет отсюда, уйду и я!

Сенатор, видимо, испугался этих слов. На бледном, бесцветном лице его мелькнуло злобное выражение скрытой ненависти.

– Я понимаю, – сказал он, – вы хотите мне угрожать, хотите этим сказать, что отныне предадите на суд всему миру печальные и постыдные тайны нашего дома и этим думаете меня запугать. Так знайте, что мне все равно! Рассказывайте всем и каждому все, что вы знаете: моя честь останется все же незапятнанной, и этого с меня довольно!

Старик широко раскрыл глаза.

– Нет, господин сенатор, – сказал он, – в этом вы ошибаетесь... Подлецом я еще никогда не был и не буду на старости лет. От меня ни одна душа ничего не узнает о том, что мне известно об этом доме... Но зато...

– Все дальнейшие речи будут бесполезны! – заметил ледяным тоном сенатор, – вы можете поступать, как вам заблагорассудится!

– Конечно, конечно, – закивал головой старик, – но у меня еще один вопрос, который, однако, давит на сердце, точно камень.

– Что ж это может быть?

– Вы только что изволили сказать, что личная ваша честь, во всяком случае, останется незапятнанной. Но так ли это, господин сенатор? Можете ли вы в самом деле сказать себе, что ваша совесть совершенно чиста? Нет, я этого не думаю!

– Гармс! Как осмеливаетесь вы... говорить мне такие вещи!.. – и Цургейден вскочил со своего места, словно желая задушить своими руками говорившего.

– Нет, вы скажете мне, господин сенатор, – продолжал старик многозначительным, таинственным тоном, – скажете мне, о чем вы говорили с несчастным отверженным в то достопамятное утро там, в парадном вестибюле? Что сказали вы ему перед тем, как он вышел из родного дома, чтобы уже никогда более не возвращаться в него?

Цургейден пошатнулся, едва удержавшись на ногах.

– Вы с ума сошли, Гармс!.. – пролепетал он с трудом побелевшими губами.

Гармс молчал, глядя в упор в изменившееся лицо своего господина.

– С тех пор вы ни разу не посмели ступить на это место, вы приказали пробить в стене боковую дверь! Каин! Каин! Что ты сделал с братом твоим? Вот то, что я желал сказать вам, господин сенатор Цургейден! – И не взглянув даже на неподвижно стоявшего, словно онемевшего от ужаса сенатора, дрожавшего всем телом, старик вышел из комнаты. Но, вернувшись в комнату Бенно, старик был не в силах сдерживаться долее и расплакался, как ребенок.

– Все, все напрасно! Ничего я не могу поделать. Ты должен ехать, мой бедный мальчик...

Пошли дни за днями, тихо, однообразно. Старушка была опасно больна. Доктор приходил два раза в сутки, но Бенно не допускали к ней. Когда наконец вышло распоряжение сенатора на следующий день готовиться к отъезду, Бенно просил позволения проститься с товарищами, но и в этом ему было отказано. Только старик Гармс несколько раз заходил к нему в этот день.

– Ну, я сложил свои пожитки, – сказал он, – вместе с тобой и я отрясаю прах с ног моих за порогом этого дома!

– Но что же ты будешь делать теперь, Гармс? Право, тебе лучше было бы оставаться на старом насиженном месте!

– Нет, нет... и не говори мне об этом. Упаси Господь Бог, я бы, пожалуй, порядком поколотил господина сенатора! Нет, здесь мне оставаться нельзя. Я уже решил, как буду проводить свое время: буду ходить в гавань и беседовать с моряками, бывавшими в Бразилии, и разузнавать через них об этой стране. Затем стану изучать язык, на котором там говорят, и карту этой страны, чтобы всегда знать, где ты находишься, и ждать твоих писем!

– Да, ты – единственный человек, которому я буду писать оттуда!

Господин Винкельман, которому сенатор поручал на время переезда своего племянника, явился в назначенный день и час, чтобы отправиться вместе с мальчиком на судно. Гармс долго держал в своей руке руку Бенно, пока, наконец, за ним не прислали от сенатора.

– Неужели ты не позволишь мне, дядя, проститься с бабушкой? – спросил Бенно молящим голосом.

– Нет, это невозможно: она больна, я потом передам ей твой прощальный привет. Иди!

Гармс, стоявший за спиной Бенно, простился со своим господином и другом детства едва приметным кивком головы.

– Я ухожу, сударь!

– Хорошо, Гармс, я знаю!

И дверь захлопнулась за выходившими.

– Не провожай меня до судна, Гармс, все станут потом говорить об этом. Господь с тобой, я напишу тебе из Англии!

– Храни тебя Бог, дитя мое! Храни тебя Бог!

Они простились еще раз и расстались. Бенно молча шел рядом со своим будущим спутником.

– Так вы намерены изучать торговое дело в Рио у Нидербергера и Ко? Неужели вас так тянет в далекие страны или вы просто хотите повидать свет и людей, молодой человек? – спросил после довольно продолжительного молчания господин Винкельман.

Бенно отвечал уклончиво, но в душе был рад, что его спутнику, по-видимому, не было ничего известно о причинах, побудивших его отправиться в столицу Бразилии.

Между тем они очутились уже на пристани. Через несколько минут их судно должно было сняться с якоря. Надо было спешить. Среди всеобщей суматохи и волнения наступил наконец этот решающий момент. Бенно забрался в свою каюту и, уронив голову на руки, предался невеселым размышлениям, тогда как господин Винкельман занялся размещением в стенном шкафчике всевозможных съестных припасов, затем пригласил своего молодого спутника воздать должное всей этой вкусной снеди.

– Это необходимо в пути, поверьте моему опыту: я уже третий раз совершаю такое путешествие. Ведь это, так сказать, моя профессия; я по поручению бразильского правительства приглашаю желающих основать немецкую колонию в Бразилии. Вот и с этим судном у меня едут туда более пятисот человек различных профессий и сословий.

Но Бенно не стал поддерживать разговор, лег на свою койку и постарался заснуть.

В продолжение целых трех суток бедняга почти не слезал с койки и не говорил ни с кем: так тяжело было у него на душе.

– А долго ли продолжается это путешествие? – спросил наконец он своего спутника.

– Месяца три, а при плохой погоде и четыре!

– Ах, Боже правый! Да ведь так можно умереть с тоски!

– Да, если вы будете продолжать лежать на своей койке! Но выйдите на палубу, завяжите знакомство с пассажирами и увидите, что здесь вовсе уж не так нестерпимо скучно!

Бенно последовал этому доброму совету и вышел на палубу. Здесь былолюдно и пестро. Большинство пассажиров уже успело перезнакомиться и даже подружиться. Все сидели группами, болтали, спорили, курили, любовались прекрасной картиной заката на море – словом, жили обычной, скорее приятной жизнью.

– Добрый вечер, молодой человек! – произнес за спиной Бенно чей-то знакомый голос, и смуглая мужская рука опустилась на его плечо.

– Сеньор Рамиро! – воскликнул Бенно, обернувшись и узнав владельца цирка, – но как мог я ожидать встретить вас здесь? Вы намерены попытать теперь счастье в Рио с вашим цирком?

– Ну, положим, не в Рио. Жена моя и все остальные продолжают свое дело в Германии, а я здесь только с Педрильо и Михаилом. – При этом Рамиро глубоко вздохнул, затем, проведя рукой по лбу, точно отгоняя назойливую мысль, добавил: – Впрочем, не следует оглядываться назад: это всегда только подрывает силы и лишает решимости. Ведь я, собственно, – уроженец Южной Америки; я – из Перу и теперь снова отправляюсь туда!

– Но наше судно идет в Рио-де-Жанейро!

– Да, а оттуда мы думаем напрямик добраться до моей родины! Главное ведь только перебраться через океан!

– Вы, конечно, хотите приобрести в Рио новых лошадей?

– Лошадей?! О, я буду рад, если будет возможность ежедневно покупать несколько фунтов хлеба! Здесь нашему брату трудно что-нибудь заработать: это не то, что в Европе.

– Так почему же вы уехали оттуда?

Глаза перуанца метнули молнии. Странное, загадочное выражение появилось на мгновение на его лице. Он как будто хотел что-то сказать, но сдержался, затем, немного погодя, продолжал:

– Я, видите ли, не всегда был цирковым наездником! Было время, когда и я носил форму одного из лучших училищ, будучи сыном богатой и уважаемой семьи... Но затем мой лучший друг, на которого я полагался, как на самого себя, предал меня... О, вы не можете себе представить, что я выстрадал в то время!.. На меня пало подозрение в похищении драгоценного алмазного убора. На самом деле я и в глаза не видел его, но все улики были против меня. Вскоре мне стало ясно, что похититель этих драгоценных камней был не кто иной, как мой друг Альфредо. Я всегда готов поклясться, что это был он. В безысходном отчаянии я упал к его ногам, молил его, просил пощадить мою молодость и не делать меня несчастным на всю жизнь, не взваливать на меня позорной вины, в которой я вовсе неповинен, но он только пожимал плечами. Тогда, доведенный до последней крайности, я решился доказать на суде, что истинный виновник не я, а Альфредо. И доказал это ясно, но судьи были уже предубеждены против меня, и на меня только пало новое обвинение – в желании оклеветать своего друга детства и взвалить на него свою вину. Таково было общее мнение, и я был осужден на тюремное заключение, Впрочем, весьма непродолжительное, ввиду моей молодости – мне было тогда всего семнадцать лет, – но имевшее для меня самые страшные последствия. Я метался, как дикий зверь в своей клетке, бился головой о стены, будучи не в силах примириться со своим незаслуженным позором, пока жестокая горячка не лишила меня сознания и не поставила на край могилы. То было поистине самое ужасное время моей жизни!

– Ну, а затем? – спросил Бенно, невольно заинтересованный судьбой своего собеседника.

– Несчастье редко приходит одно! Так было и со мной. В то время, когда меня упрятали в тюрьму, у меня была еще мать, добрая, честная старушка, и я был будущим наследником громадного состояния. Но спустя несколько месяцев, когда я немного оправился после тяжелой болезни, и меня выпустили из тюрьмы, бедная мать моя была уже в могиле, а все состояние наше перешло по завещанию церквям и монастырям, в качестве искупительной жертвы за мою

грешную душу!.. Ха... ха... ха!.. А я остался выброшенным на улицу, полубольной, без гроша в кармане. Все, все у меня было отнято!..

– Да, это ужасно! И вот тогда-то вы и сделали цирковым наездником?

– Нет, прежде я зашел еще раз в дом своего бывшего друга Альфредо и сказал ему несколько слов, но слов этих ни он, ни я не забыли и до сих пор.

– Вы проклинали его?! – с ужасом пролепетал Бенно.

– Да, проклинал на веки веков, проклинал и сказал, что потребую у него ответа за его поступок в день страшного суда, перед престолом Господним!

– И это были ваши последние слова?

– Да, но ненависть к этому человеку и теперь еще живет в моей душе, и я сейчас мог бы, не содрогнувшись, задушить его своими руками!

– И ради этого вы теперь едете в Перу?

– Ну, не совсем так! Цель моего путешествия несколько иная, и я готов сообщить ее вам, но только при известном условии: вы должны прежде ответить мне на один вопрос.

– Что именно вам угодно знать, господин Рамиро? – спросил Бенно, стараясь казаться невозмутимым.

– Дело в том, что, спустя несколько дней, после того, как вы оказали нам такую огромную услугу, не видя вас, я решился расспросить о вас некоторых из ваших товарищей и узнал от них о тех последствиях, какие имел для вас этот великодушный поступок. Тогда я нашел случай заговорить с тем славным стариком, что живет в вашем доме, и он стал упрекать меня, что я побудил вас на такой поступок, за который вам придется жестоко поплатиться. Я почуял, что вам грозит что-то недоброе, и у меня вдруг стало тяжело на душе. Теперь скажите мне, вас бесповоротно изгнали, изгнали насильно из Гамбурга, да?

– Раз вы спрашиваете меня об этом, то я должен сказать вам, – да!

– Я так и знал! Но пусть же это не причинит вам вреда, Бенно!

– Что вы хотите этим сказать, господин директор?

– А то, что я, бедный нищий, цирковой наездник, уличный фигляр, повидавший вволю и голод, и холод, предлагаю вам царские богатства!

Да, дайте мне договорить! Я хотел рассказать вам всю мою историю; слушайте же! – Рамиро продолжал уже полупшепотом: – Семья моя была очень богата, но не только землями, лесами и угодьями, подобно нашим соседям, а еще и тем, что один из моих предков, Мануэль Фраскуэло, случайно нашел на своей земле алмазные копи. Эти копи вызывали сотни самых диковинных рассказов и возбуждали зависть всех соседей и вообще всех, кто только слышал о них. В весьма короткое время прадед мой составил себе, благодаря этим копиям, состояние в несколько миллионов. Но в ту пору страну нашу опустошали непрерывные войны, и Мануэль Фраскуэло решил, забрав свои богатства, переселиться в другую, более безопасную для него страну. Однако в ночь, когда все было готово к тайному бегству, в дом его ворвались солдаты. Эти разбойники потребовали, чтобы он отдал свои алмазы, но отважный старик объявил, что все давно уже отправлено им в надежное место и что здесь нет ни одного камня. Когда же он, защищаясь от толпы, выхватил из-за пояса пистолет, то его буквально разорвали в клочья, но он унес с собой в могилу свою тайну, и никто до сих пор не отыскал его сокровища!

– И что же, вы теперь намерены возобновить эти поиски? – спросил Бенно.

– Да, но я еще не все сказал вам! Слушайте дальше. Много я мотался по белу свету, но сердце мое всегда стремилось к родине, и я при всяком удобном случае старался получать вести оттуда. Я сам посылал бывшим друзьям и знакомым приветы и поклоны, и от них получал иногда письма и поклоны. И вот однажды, когда я со своим цирком остановился в глухой деревеньке Венгрии, ко мне вдруг явился один человек от имени Альфредо, посланный им на мои розыски. Сам он, оказывается, уже много лет тому назад ушел в монастырь, где и живет в непосредственном соседстве с бывшим поместьем семьи Фраскуэло. Он приказал сказать мне:

«Вернись на родину и начни новую жизнь там, где много лет тому назад ты потерпел крушение, вернись домой, потому что сокровища прадеда твоего найдены».

– Неужели? – воскликнул Бенно.

– Да, это так! – убежденно повторил сеньор Рамиро.

– Так что вы теперь знаете, где находятся эти алмазы?

Рамиро отрицательно покачал головой.

– Альфредо пожелал лично указать и назвать мне это место, чтобы я узнал о своем счастье из его уст: очевидно, он этим хочет искупить свою вину передо мной!

– Что же случилось с посланным вам человеком?

– Он скончался вскоре по прибытии в Европу! Но что же из этого? При мне собственноручное письмо Альфредо!

– И вы думаете теперь отправиться пешком через всю Бразилию?

– Да, с вами, я надеюсь... Из-за меня вас постигло несчастье, и я желал бы вознаградить вас за это: алмазов там на несколько миллионов, верьте мне!

– А давно ли вы получили это известие?

– Да уже более двух лет! Альфредо, как монах, не имеет в своем распоряжении ни гроша и поэтому не только не смог мне выслать на дорогу, но даже его посыльный вынужден был совершить переезд в Европу в качестве служащего на судне. Вот причина, почему я не мог немедленно отправиться в Бразилию: мне необходимо было прежде всего добраться до Гамбурга, где я надеялся сесть на судно. Я очень хотел забрать с собой жену и детей, да при бедности все – помеха, и возможное становится невозможным. А в такого рода экспедициях, как та, какая теперь предстоит мне, женщины и дети – страшная обуза. Я был так рад, что хоть нас троих господин агент согласился бесплатно перевезти через океан. Конечно, упаси Господь, чтобы он узнал о моих планах!..

– Понимаю, он должен думать, что вы переселенцы...

– Ну, да! Пусть нам дадут наделы, мы обождем немного, да и давай Бог ноги!

Звонок на палубе возвестил, что пассажиров приглашают спуститься в каюты.

Наездник протянул руку Бенно, и они расстались. Палуба быстро опустела.

IV

В открытом море. – Бурное плавание. – Покинутое судно. – Прожорливые крысы. – Тайна одного письма. – Похоронен на дне моря. – Борзая с таинственного судна.

Проходил день за днем, и Бенно вскоре вполне свыкся с новой для него жизнью на судне.

Уже более половины пути было пройдено почти совершенно незаметно. Бенно за это время успел сойтись и сдружиться со многими. Особенное расположение к нему выказывал старший штурман судна, родом немец, часто бывавший в Рио и хорошо знавший фирму Нидербергеров.

– Нет, молодой человек, это дело совсем неподходящее для вас! – говорил он, – у господина Нидербергера ведь просто жалкая лавчонка!

– Да что вам до того? Ведь вы отправитесь со мной, – шепнул ему в этот момент Рамиро, – подумайте только о том, что нас ожидает там!

И действительно, Бенно стал подумывать об этом, но дело это представлялось ему опасным, несбыточным сном, что он и высказал своему приятелю.

– Что ж тут невероятного! – воскликнул Рамиро. – Из капитала, оставленного моей матерью на церкви и монастыри, был построен новый монастырь в самом парке, прилежавшем к дому моих родителей.

В этом монастыре уже много лет живет теперь Альфредо, спокойно и счастливо, на той самой земле, с которой я был изгнан по его вине. Это, конечно, мучило его, и он сделался изобретателем. Он искал скрытые сокровища и днем, и ночью, искал в течение многих лет, пока наконец не нашел их. Тогда он, чтобы позвать меня, послал ко мне сына своего брата, а сам остался сторожить день и ночь эти сокровища до тех пор, пока я не приду и не сниму проклятья с его головы. Не правда ли, это вполне естественно?

– Пожалуй... во всяком случае, не следует с такой уверенностью рассчитывать на благополучный исход этого дела. Мало ли какие препятствия могут еще встретиться на вашем пути, сеньор Рамиро, в таких случаях разочарование нередко стоит людям рассудка!

– Конечно, это бывает! Но ведь вы сами читали письмо Альфредо, где он пишет, что нашел сокровища Фраскуэло, и зовет меня на родину – принять из его рук принадлежащие мне по праву богатства!

– Да, да, но после этого письма прошло уже три года... А ведь люди смертны, и ваш друг детства мог умереть!

– О, нет! Это невозможно! Альфредо – человек моих лет, сильный и здоровый... Нет, нет! Сама эта мысль ужасна! Давайте, молодой человек, займемся с вами немного изучением испанского языка!

В свободное время они нередко занимались этим полезным делом, а Михаил молча сидел подле них, мечтательно устремив взор на синие волны.

– Смотрите, белые туманы ложатся на воду, – сказал он таинственным шепотом, – и если теперь залает собака, то всем нам придется умереть!

– Но ведь у нас на судне нет ни одной собаки! – заметил Бенно.

Бедняга многозначительно улыбнулся и снова погрузился в молчание.

– Отчего это Михаил так боится воды и тумана? – спросил Бенно, – тонул он когда-нибудь?

– Нет, он когда-то, давным-давно, упал с лошади и с тех пор боится абсолютно всего!

– Бедняга! Есть у него родители?

– Нет! У него даже нет никаких ни близких, ни дальних родственников. Я взял его из воспитательного дома и надеялся сделать из него первоклассного наездника, но этот несчастный случай навсегда лишил меня всякой надежды!

Бенно казалось, что в этом отношении Рамиро не говорит ему всей правды и старается что-то утаить от него, но на этот раз у молодого человека не было времени размышлять на эту тему, так как начавший еще недавно свежий ветер грозил теперь ежеминутно разразиться бурей.

Матросы хлопотали у снастей и возились с парусами. Пассажиров попросили очистить палубу и уйти вниз. Одному Бенно позволялось, в виде исключения из общего правила, во всякое время оставаться наверху.

– Как вы полагаете, грозит нам опасность? – осведомился Бенно у старшего штурмана. Тот пожал плечами.

– Трудно сказать! Как знать, что еще может случиться?

Между тем запертые внизу пассажиры кричали и рвались наверх, женщины плакали, мужчины сыпали проклятиями, дети кричали без умолку. – «Мы здесь точно заживо похороненные! Дайте нам света, огня! Здесь – страшный мрак и духота!..»

И все они теснили друг друга, сплошной стеной ломились наверх, но напрасно, никто не внимал их воплям и стонам.

Два дня и две ночи длилась эта страшная буря, а там, внизу, в этой душной и темной тюрьме, в какую превратилось отведенное для пассажиров помещение между деками, разыгрывались страшные, душераздирающие сцены. Слышались вопли и стоны, слезы и проклятия.

Лишь к концу третьих суток погода несколько изменилась к лучшему. Пошел дождь, мелкий и частый, настолько частый, что даже в самый полдень солнце заволакивал как бы густой туман и оно смотрело бледно и тускло. Пассажирам разрешено было выйти на палубу подышать свежим воздухом, в чем все они так сильно нуждались. За эти три дня, проведенных там, в помещении между деками, умерло двое маленьких детей от страха, качки и духоты. Несчастные матери ни за что не соглашались расстаться с телами своих малюток, зная, что их безжалостно бросят в сердитые волны моря. Пришлось прибегнуть к насилию, исполняя тяжелую обязанность. Все судно огласилось криками, стонами и горькими жалобами большинства этих людей, проклинавших свою тяжелую участь.

– Да, – сказал сеньор Рамиро, – за эти три ужасных дня я тысячу раз возблагодарил Бога, что не взял с собой мадам Хуаниту. Как бы она, бедная, могла вынести все это! Нет, когда я повезу ее в родное гнездо Фраскуэло, у нее будет своя отдельная каюта с широкой, удобной софой. А может быть, я надумаю купить для этой цели свое собственное судно и приспособлю его для перевозки в Америку всех своих лошадей и даже наших повозок, как воспоминание о нашей прежней жизни и наших странствованиях по Европе!

– Ах, какое несчастье! – простонал тихо где-то позади Михаил. – Ведь я был уже мертв и мне было так хорошо, а вот и опять наступил день! Какое, право, несчастье!..

В воздухе было душно, ни одна звездочка не показывалась на темном, почти черном небе-своде, который сплошь застилали тяжелые тучи. На этот раз, по случаю жары и духоты, даже на ночь все люки были оставлены открытыми, на мачтах повсюду мигали в тумане зажженные цветные фонари. Судно стояло почти неподвижно на месте, так как в воздухе не было ни малейшего ветерка, и даже сами волны как-то лениво ударялись о киль.

Туман становился до того густым и непроницаемым, до того причудливым в своих очертаниях, что многие суеверные и боязливые пассажиры, руководствуясь всевозможными приметами, пророчили всякие беды и несчастья. Ведь умы были до того возбуждены, что скажи кто-нибудь в этот темный туманный вечер, что образ мифического адмирала Ван-дер-Дикена пронесся мимо на своем судне, плывущем в воздухе килем вверх и верхушками мачт в воде, наверное, никто не усомнился бы в истине этого видения.

В каюте сидели Бенно и господин Винкельман и говорили о Бразилии, о новых колониях в самом сердце страны, о трудностях переправить туда всех этих переселенцев, как вдруг с моря донесся странный звук.

– Собака! – воскликнул Бенно, – это собака залаяла!

– Да, как будто собака! Но ведь здесь нет собаки!

– Здесь на судне нет, но звук этот донесся как будто с моря!

– Да, с моря, и как близко!

– Вахтенный! – крикнул, вскочив со своего места, старший штурман, – ты ничего не видишь со стороны правого борта?

– Ничего, сэр!

– Смотри зорко, слышишь!

– Есть! – отозвался вахтенный матрос.

Старший штурман взял подзорную трубу и стал смотреть в том направлении, откуда продолжал слышаться лай. Но даже и его привычный, зоркий глаз не мог ничего различить в густом тумане. Тревожно постучал он в дверь капитанской каюты и нервным, торопливым голосом произнес: «На пару слов, господин капитан!»

Спустя минуту капитан вышел на палубу.

– Ну, что? Ветер-то, как видно, окончательно стих, и мы совсем ни с места!

Штурман объяснил капитану в двух словах, в чем дело, и лицо последнего заметно омрачилось.

– Дайте сюда скорей рупор! – крикнул он властным голосом.

Через минуту явился, точно вырос из-под земли, проворный матрос с большим медным рупором в руках, капитан взял его и приложил ко рту. Протяжные громкие металлические звуки «Туут! Туут!» огласили воздух, разносясь далеко-далеко в ночной тишине, и произвели переполох среди спящих пассажиров. Многие выбежали наверх; впереди всех мчался, точно обезумевший, Михаил.

– Собака! Где собака? Я слышу, она лает!

– Молчите! Что за крик?! – грозно крикнул капитан.

Все на мгновение смолкли, и среди всеобщей тишины снова послышался совершенно явственный громкий жалобный лай, на этот раз уже совершенно близко.

– Слышите? Слышите?! Это – смерть! – крикнул Михаил и, заломив руки за голову, готов был кинуться через шканцы, если бы Рамиро вовремя не схватил его.

Взглянув в лицо перуанца, несчастный громко вскрикнул от ужаса.

– Пусти! Пусти меня! Где же весло? Ты хочешь меня убить!

– Михаил! Опомнись! Приди в себя!

– Нет! Нет! Бедная собака, как она лает! Она хочет спасти своего господина!

– Вы видите, это помешанный, господа! – обратился Рамиро.

– Нет, нет, я не помешанный! Я – Юзеффо! – Юзеффо!..

Вдруг Рамиро быстрым движением закрыл ему рот, его сильные руки схватили тщедушного юношу и увлекли того в помещение между деками. Оттуда слышались звуки ударов и жалобные вопли бедного Михаила.

Все это было делом нескольких секунд. Звуки из рупора огласили воздух, но и на этот раз не последовало никакого ответного сигнала, не показалось огней, только собака продолжала лаять все громче и громче под самым штирбортом.

Кто-то дал несколько холостых выстрелов в направлении лая, выпустили несколько ракет, но все осталось без ответа.

– Это не может быть ничего, кроме покинутого судна, на котором лает собака! – сказал наконец капитан.

– Но в таком случае почему же вас так пугает эта собака и это покинутое судно? – спросил Бенно.

– В такой туман столкновение в открытом море – страшное дело, молодой человек, – ответил за капитана старший штурман. – Впрочем, через несколько часов мы ожидаем рассвета, и тогда эта таинственная загадка сама собой разъяснится!

И все с напряженным чувством стали ждать рассвета. Вот уже два, три часа, теперь уже недолго, и восток озарится первыми лучами раннего утра.

А собака все продолжала то громко лаять, то жалобно выть. Быть может, она была единственным живым существом на этом покинутом невидимом судне?

– Туман расходитя! Смотрите, там на востоке загорается заря!

Подул легкий предрассветный ветерок, и на людей пахнуло свежестью утра.

– Вахтенный! Видишь ты что-нибудь?

– Вижу, ваша милость, какой-то темный предмет у самого судна!

– Спустить шлюпку! – скомандовал капитан.

Приказание было немедленно исполнено с обычным проворством и ловкостью, но когда стали вызывать охотников, чтобы отправиться с капитаном на покинутое судно, никого не нашлось. Вызвались только Бенно и сеньор Рамиро.

– Предупреждаю вас, господа, что на покинутом судне, вероятно, свирепствовала какая-нибудь повальная болезнь, быть может, даже желтая лихорадка! – сказал опытный капитан.

– Я не боюсь этого! – сказал Бенно, а цирковой наездник только презрительно улыбнулся.

– Вызвать мне немедленно четырех человек, боцман! – повелительно приказал капитан.

И вот шлюпка готова. Матросы с мрачными лицами сели на весла, их просто заставили, так как по своей охоте не шел ни один. Бенно, Рамиро, капитан и старший штурман вошли в шлюпку и в несколько ударов весел пристали к покинутому судну, на котором продолжала нетерпеливо лаять собака.

Судно это называлось «Конкордия» и в том виде, каким оно было, со сломанными мачтами, снесенными и сорванными парусами и жалкими остатками снастей, с поломанным рулем, представляло собой остов судна, который увлекало течением.

С помощью багров первым взобрался на судно Рамиро и сбросил оттуда веревочную лестницу, по которой без труда взобрались и остальные.

– Мертвец и миллионы крыс! Вот все, что я здесь вижу! – крикнул он с судна.

Действительно, среди палубы лежало тело молодого человека, над которым стояла, как бы охраняя его, великолепная серая борзая. Громадные крысы смело бегали по палубе, по сломанным реям, исчезали в люках и снова появлялись целыми стаями.

– Он не более двух дней, как умер, – продолжал Рамиро, склонившись над покойником, – а вот там, на гротмачте, прибита записка, прочтите ее!

Капитан сорвал эту записку, она была написана по-испански, содержание ее гласило:

«Именем Господа Иисуса, прошу доставить по адресу письмо, которое лежит в боковом кармане моей куртки, и тем избавить от смертельной муки бедную человеческую душу!»

Прочитав вслух эти слова, Рамиро обратился к капитану:

– Прикажете поискать это письмо?

Тот утвердительно кивнул головой.

Рамиро ощупал указанный в записке карман, но там были только мелкие кусочки бумаги, совершенно изглоданные крысами в труху, похожую на пыль.

– Какая жалость! Ах, какая жалость! – воскликнул Бенно с непритворной душевной скорбью.

При этом громадная борзая взглянула на мальчика умными, печальными глазами и стала лизать его руку. Бенно ласково взял обеими руками голову собаки и прижал ее к своей груди, и вдруг ему вспомнилось, что его дядя питал особое странное пристрастие к этим борзым.

Между тем капитан разыскал ключи от шкафа капитанской каюты и достал судовой журнал, который, очевидно, аккуратно велся день за днем, вплоть до последней недели.

Судно «Конкордия» с капитаном Геннаро отправлялось из Рио-де-Жанейро в Гамбург с грузом сахара и риса. По пути на судне появилась желтая лихорадка и в первые же дни унесла в могилу более половины экипажа. «Я с остальными людьми едва в состоянии справиться с бесчисленными крысами, перебравшимися на „Конкордию“, надо полагать, еще в гавани с палубы другого судна. Спаси Бог от непогоды, а то мы неминуемо должны будем погибнуть».

Далее следовало: «Теперь и остальные 6 человек захворали; на посту я один да еще марсовый матрос!»

Затем на отдельном клочке бумаги, вложенном в книгу, было написано той же рукой, что и записка на обломке гротмачты: «Все умерли, даже капитан. В страшную бурю я вынужден был спустить за борт все тела без торжественности, но с молитвой за каждую бедную христианскую душу. Теперь и я заболел; ни капли воды; вся разлилась – бочонки снесло в море... Я один, только Плутон еще со мной»...

Капитан взял себе судовой журнал и обе записки, затем, в присутствии всех бывших с ним, осмотрел все шкафы. Здесь были все драгоценности, документы, деньги и бумаги покойного капитана «Конкордии».

Тут же был составлен подробный протокол, между тем как старший штурман собирал все эти вещи в один узел.

– Где-то у них ключи от складов и провианта? – сказал капитан, озираясь кругом, после того, как протокол был всеми подписан. – У нас так много женщин и детей, что многие вещи могли бы им больше пригодиться, чем если их оставить здесь, на съедение крысам на этом погибшем судне, предоставленном на волю волн.

– А разве мы не захватим его с собой?

– Нет, это совершенно невозможно! Этим мы подвергнем страшной опасности наше судно!

– Но собаку вы разрешите взять, капитан?

Капитан улыбнулся.

– Собаку – да! Хозяин ее умер, и вы можете теперь считать ее вашей собственностью, молодой человек!

Бенно поблагодарил; при этом ему невольно вспомнились слова штурмана о жалкой лавчонке, которая его ожидала по окончании пути, где ему едва ли позволят держать эту большую собаку. Рамиро как будто угадал его мысль.

– Вы думаете сейчас о каморке на чердаке, где вас, вероятно, поместит господин Нидербергер? – прошептал он ему на ухо. – Нет, Бенно, вы отправитесь вместе с нами, в Перу! Это – дело решенное. Не так ли, Плутон? – добавил он, обращаясь к собаке.

Та радостно залаяла, услышав свое имя.

– Вот видите! – сказал содержатель цирка.

Приступили к осмотру судна.

– Только в жилые помещения и в спальни офицеров не входите: там все заражено! – говорил капитан. – Осмотрим только склады и провианткамеру!

Но когда отворили двери последней, то оказалось, что ее содержимое представляло одно сплошное месиво из вина, уксуса, масла, сырого кофе, муки, круп: все было опрокинуто, разбито, все слилось и смешалось в густую кашу, где копошились миллионы крыс.

– Нет, здесь не найдется ничего годного к употреблению! – проговорил капитан и приказал скорее запереть дверь. – Теперь сыщите мне скорее доску и пушечное ядро: нам надо похоронить этого беднягу прежде, чем мы покинем это судно! – продолжал он, обращаясь к старшему штурману.

По знаку капитана с его судна прибыла вторая шлюпка с десятью матросами. С помощью этих людей покойника тщательно обернули парусным холстом, привязали к доске с десятифунтовой гирей, и совершили эти ужасные и одновременно торжественные похороны. Все

присутствующие обнажили головы, молитвенно сложили руки. У каждого на душе было трогательно и тяжело, каждый мысленно возносил молитву за усопшего. Капитан со своей стороны сказал несколько прочувствованных слов в качестве надгробной речи – и все было окончено. Только когда тело покойника скрылось под водой, собака громко и жалобно завывала и стала рваться вперед, как бы желая кинуться за своим хозяином в море.

– А теперь, штурман, скорей, скорей назад! Здесь весь воздух пропитан заразой! – сказал капитан.

С собакой было немало возни: ее только насильно можно было увести с судна, не будь Рамиро, с ней нельзя было бы сладить.

Между тем с корабля следили за шлюпками сотни любопытных глаз.

– Педрильо, ведь они везут с собой собаку, да? Это та самая, что выла сегодня ночью? – спросил тихонько Михаил.

– Да, вероятно! – ответил тот.

– Значит, я напрасно тревожился: смерть не являлась нам! Та собака была маленькая, беленькая, шелковистая и курчавенькая!

– Где же вы видели ту собачку? – спросил Педрильо, – расскажите-ка мне об этом!

– Нет, нет, я ничего не знаю... Вон директор идет!

Действительно, шлюпки пристали к судну, и все находившиеся на них поднялись на палубу.

Пассажиры обступили их со всех сторон, пошли спросы и расспросы.

– Я боюсь только одного, – сказал капитан полупшепотом, отведя штурмана в сторону, – что судьба всех этих несчастных будет решена, как только мы придем в Рио: вероятно, там свирепствует желтая лихорадка. Но только не говорите никому об этом, так как страх и боязнь опасности только усиливают саму опасность!

Пользуясь легким ветерком, паруса поставили по ветру. Истомленные бессонной ночью, пассажиры стали мало-помалу разбредаться по своим койкам. Сердобольные матросы устроили Плутону хорошую подстилку в большом порожнем ящике и дали ему поесть. Бедная собака с жадностью накинулась на пищу: очевидно, она уже несколько дней не ела. Бенно тоже лег на свою койку, но не мог сомкнуть глаз и все думал о том письме, о той бедной христианской душе, которая мучилась теперь смертельной мукой в ожидании этого письма.

V

Рио-Де-Жанейро. – Глава фирмы Нидербергер. – Бразильская синьора. – Черный почтальон. – Освобождение несчастной. – Бегство решено. – Процессия и Канойросы.

Вот и великолепный залив Рио-де-Жанейро с высокими скалами, громоздящимися по обеим сторонам его. Сам город расположен частью на холмах. Повсюду – роскошная растительность, но над всем этим парила удушливая атмосфера: страшная, томительная жара, подавлявшая всякое чувство радости и восхищения в сердцах вновь прибывших на свою новую родину переселенцев.

Когда судно вошло во внутреннюю гавань, то от берега отделились несколько лодчонок. В каждой из них находился один пассажир и один гребец, но при них не видно было никаких товаров, и притом эти лодки изо всей силы старались обгонять одна другую, а владельцы их, белолицые мужчины, резкими окриками и ударами подгоняли бедных негров-ребцов.

– Что это за гонки? – спросил Бенно старшего штурмана, подле которого он стоял. – Что им надо у нас?

– Людей! – отвечал, улыбнувшись, тот. – Они хотят заполучить учеников или приказчиков для своих торговых заведений!

– Да разве здесь, в Рио, нет молодых людей, пригодных на эти должности? Почему же эти господа не дожидаются даже, когда пассажиры сойдут на берег?

– Надо вам сказать, что все белолицые бразильцы до того ленивы, что купцы принуждены вербовать себе помощников из числа вновь прибывших из Европы молодых людей! Вон видите в третьей лодке того низенького кривобокого господина? Это и есть господин Нидербергер!

– А-а! – протянул Бенно. Болезненное чувство сдавило его грудь: так этот неряшливый, неопрятный, болезненного вида господин, все время толчками и щипками подгонявший своего замученного негра – его будущий принципал!

Вдруг за спиной Бенно появилось лицо Рамиро.

– Три дня мы пробудем в городе, я выслежу, куда вас уведут и всегда буду подле вас, не забывайте этого! – прошептал он.

– А собака, сеньор? – вымолвил Бенно.

– Собаку я возьму к себе: этот скряга не потерпит у себя в доме животное!

В этот момент на палубе появился и сам господин Нидербергер.

Увидев его, агент отыскал у себя в кармане письмо сенатора Цургейдена, адресованное на имя господина Нидербергера, и, поздоровавшись с ним, подал ему письмо.

Когда тот пробежал его, агент представил ему Бенно и затем простился с ними обоими.

– Как же тебя зовут, мальчуган? – спросил господин Нидербергер.

– Бенно Цургейден!

– Ну, зачем так важно! Есть у тебя багаж?

– В каюте очень немного, да в трюме – сундук!

– Прекрасно, все это я оставлю у себя в залог для того, чтобы ты не вздумал сбежать от меня! Ну, а теперь скорее в лодку!

Негр дремал, свернувшись клубком на дне лодки, но, заслышав издали голос своего господина, вскочил как ужаленный.

– Ну, вперед, Твилус! Вперед, не то ты попробуешь кнута! – крикнул раздраженным голосом господин Нидербергер.

– Да, да, сеньор, да, да!..

Когда они пристали к берегу, Рамиро стоял уже на пристани, засунув руки в карманы и ни взглядом, ни жестом не выдал, что он знаком с Бенно, но на всем пути через город незаметно следовал за ними по пятам.

Сначала они шли по красивым широким улицам, затем вошли в так называемый старый город, представлявший собой поистине ужасную картину. Узкие, очень узкие улицы с грязными, ветхими домами, тесные крошечные дворы, нестерпимая духота, мириады москитов и потоки жидкой грязи, текущей медленно вдоль улицы, – вот что увидел здесь Бенно. В глубоких рывтинах и ямах, среди этих улиц, валялись свиньи, полоскались утки, бродили козы. Полуголые и совсем нагие негритята выглядывали из домов и калиток. Бенно едва мог дышать этим ужасным воздухом.

Но вот они достигли своей цели: то была действительно жалкая, низкая лавчонка, беспорядочно заваленная всякого рода товаром, начиная от муки и патоки и кончая салом и сапожной ваксой.

В дверях Бенно обернулся еще раз и увидел, что Рамиро запомнил дом, куда он входил. Затем наездник слегка махнул ему рукой на прощание и тотчас же скрылся из виду.

Куры и другая домашняя птица, коты и котята прыгали по ящикам с крупой, лакали из кадушек, словом, хозяйничали вовсю. В лавке не было ни души. Господин Нидербергер тут поднял с полу какую-то тряпку, там сдвинул ящик и сердито огляделся кругом.

– Ни души в магазине! Как только я повернусь спиной, никакого присмотра, хоть все раскради!

Из-за двери послышался женский смех.

– Сегодня так жарко! Москиты так сильно кусают!

– Эх, черт вас побери... вот я...

– Тра-ла-ла-ля! Тралл-лалл-лалл-ля! – послышалось в ответ из-за дверей.

Этот задорный, насмешливый, но чистый и звонкий голос звучал приятно, но господина Нидербергера раздражал до крайности. Он порывисто распахнул настежь дверь, и Бенно увидел подвешенный под потолком легкий гамак, в котором в удобной позе возлежала хозяйка дома донна Паолина. Она, природная бразильянка, умела очень недурно выводить рулады и грациозно курить свою сигаретку, выпуская красивые кольца дыма, но не любила никаких житейских забот и хлопот, а больше всего не терпела пачкотни с патокой, салом и мукой.

Две стройные негритянки, стоя посреди комнаты, ухаживали за своей госпожой. Одна из них равномерно раскачивала гамак, а другая отгоняла москитов с помощью гигантского опахала.

Ворвавшийся, как вихрь, в комнату хозяин дома принялся кричать, топтать ногами и ругаться, как пьяный мастеровой. Он побагровел от злости, потрясая кулаками, но донна Паолина только еще удобнее расположилась в своем гамаке, и весело улыбаясь, смотрела на разгневанного старика.

Тот наконец выбежал из комнаты, со всего маху захлопнув за собою дверь, из-за которой снова раздался звонкий смех донны Паолины. Старик же присел на первый попавшийся табурет, опустил голову на руки и погрузился в раздумье.

«Знал ли дядя обо всем этом, когда посылал меня сюда?» – подумал про себя Бенно.

– Видишь ли, мальчуган, я теперь один, брат мой в отсуствии! Ты должен мне помогать! Зато я дам тебе всего вволю... буду кормить...

А вот сюда идет еще такой-то молэк (чернокожий слуга). Это – Квинтилиан, настоящий мошенник, хуже и прожорливее всякого другого: прежде чем он выложит на прилавок свои гроши, я должен смазать ему рот моим сиропом!

С этими словами хозяин лавчонки подошел к вошедшему негру-подростку и сказал ему несколько, по-видимому, ласковых слов, затем, отрезав кусок сыра, обмакнул его, к немалому ужасу Бенно, в кадку с патокой или сиропом и собственноручно сунул это обычное здесь лакомство прямо в широко раскрытый рот черномазого мальчишки.

Бенно молча и неподвижно стоял и смотрел на все это. Пришло еще несколько посетителей; мальчик продолжал по-прежнему стоять в сторонке и смотреть.

– Послушай, мальчуган, – обратился к нему наконец владелец лавки, – ты видишь, что мне невозможно уйти отсюда! Надо взять у почтальона адресованные мне письма, а почтальон, как я вижу по времени, сегодня опять не хочет из-за жары проехать по этой улице!

Бенно с удивлением слушал, почти не веря своим ушам.

– Как? Почтальон не желает проехать по этой улице?

– Ну да, это с ним часто бывает!

– Что же он тогда делает с письмами?

– Он складывает их, вот потому-то ты и должен отыскать его и отобрать у него все письма на мое имя. Но прежде чем он тебе позволит это сделать, надо его задобрить хорошим куском сыра!

– Какой странный способ получать письма! – сказал Бенно.

– Да, мы здесь не в Германии: здесь особые нравы и обычаи! – С этими словами он отрезал большой кусок сыра от круга, предназначенного для жертвенных целей, обмакнул его в ту же кадку с патокой или сиропом, завернул все это в толстую серую оберточную бумагу и, вручив Бенно, сказал:

– Вот это ты отдашь ему «на зубок», а теперь я расскажу тебе, как его найти! Отправься на Кампо де-Сант-Анна, – каждый ребенок укажет тебе дорогу, – по этой площади проезжает наш почтарь. Ты без труда его узнаешь: это – пьяный старый мулат на хромом муле, поперек седла у него перекинута две переметные сумы, наполненные письмами. Ты остановишь его, назовешь мое имя и передашь ему этот сыр!

– Хорошо, будьте спокойны! – сказал Бенно и вышел, вздохнув с облегчением, когда очутился вне этой грязной, полутемной душной лавчонки, где воздух, пропитанный запахом сыра и всяких других товаров, был до того удушлив и отвратителен, что он едва мог выносить его.

Все больше и больше углублялся он внутрь старого города, в центре которого находился Кампо де-Сант-Анна. На каждом шагу ему встречались то пышные, то убогие похороны: то несли богато изукрашенный гроб при зажженных факелах, в сопровождении духовенства, то в простом плоском деревянном ящике тащили какого-нибудь бедняка, быть может, раба, убирая его на скорую руку, без почета и сожаления, как ненужную вещь. Всюду окна были завешены; везде стояли группы плачущих женщин, громко оплакивающих свои потери. Тут же медленно и торжественно шествовала процессия монахов в длинных волочившихся по земле одеждах. Впереди несли огромное распятие, целые облака фимиама возносились к небесам. На базарной площади процессия остановилась, совершили краткий молебен, и затем полилось прекрасное, стройное церковное пение.

Удивительно трогательно звучало это пение! Кругом весь народ лежал распростертый ниц и молился.

Но вот и Кампо де-Сант-Анна, большая площадь, окруженная несколькими прекрасными зданиями, но запущенная и заброшенная: ни дороги, ни тропинки не пролегало через нее; местами почва провалилась на несколько футов, и в образовавшихся в этих местах грязных вонючих лужах валялись свиньи и поросята. На всей площади повсюду виднелось старое тряпье, всякого рода отбросы, кучки золы, ломаная посуда и даже издыхающие лошади и падаль, над которой коршуны совершали свой ужасный пир. По кучам мусора торжественно расхаживали петухи с курами. Тощие бездомные собаки рылись в отбросах, свернувшись клубком змеи грелись на солнце, проворные ящерицы шныряли здесь и там. Над всем этим кружились и жужжали миллионы насекомых.

Тут же паслись, пощипывая выжженную солнцем траву, тощие кони и козы, на протянутых веревках сушилось чье-то рваное ветхое белье. И это была центральная площадь первого города всей страны, место, посвященное памяти святой Анны! Бенно не мог прийти в себя от удивления.

Но вот среди этих куч грязи и отбросов появился всадник. – «Почтальон!» – решил Бенно и пошел ему навстречу, уже издали показывая ему свой сверток. Старый пьяница Нуно, как бы ни был пьян, все же был, очевидно, знаком с этим приемом, так как тотчас же остановил своего мула и протянул обе руки к свертку.

– Давай сюда! – вымолвил он.

Бенно подошел к нему еще ближе, держа сверток за спиной. *«Братья Нидербергер»*, – произнес он громко и отчетливо, дотрагиваясь до переметных сум.

Из уст пьянчуги полился целый поток хвалебных речей: он величал кого-то и эчеленца, и генералом, и висконде, с многозначительным видом пододвинул к Бенно обе суммы. Получив свой сверток, с жадностью набросился на его содержимое, пока Бенно перерывал сумки.

Явились еще и другие желающие получить свои письма, и все несли пьяному почтальону свой посильный дар. Были тут и мальчишки-негры, вероятно, чьи-нибудь слуги, и рабыни-негритянки, и молодые люди, находившиеся в учении у купцов, и даже купцы, у которых почему-либо не было помощников.

Бенно отыскал пять писем на имя своего принципала и медленно пошел домой. День уже начинал клониться к вечеру, и ему снова стали попадаться на каждом шагу гробы и похороны.

Теперь Бенно чувствовал, несмотря на волнение, сильный голод: до настоящего момента господин Нидербергер не считал нужным осведомиться об этом у своего ученика. У Бенно были еще кое-какие деньжонки, данные ему на дорогу сердобольным Гармсом, и он хотел зайти в первую попавшуюся по дороге лавку и купить себе чего-нибудь съестного. Но ни одной такой лавки ему не попадалось на глаза. Вероятно, здесь и это было как-то иначе устроено, чем в Гамбурге. Но вот и низкая, грязная лавчонка братьев Нидербергер, теперь она была освещена маленькой коптящей лампочкой. У прилавка толкались покупатели, и Бенно пришлось до позднего вечера хлопотать, подавать, заворачивать, словом, всячески помогать своему принципалу, который только теперь вспомнил, что и ученики имеют потребность в пище. Тогда, собрав разные остатки с блюда с салом, а также куски сыра, предложил все это своему ученику, добавив к этому какую-то густую кашу, – месиво из муки и воды! «Клейстер», – подумал про себя Бенно.

– А хлеба разве здесь вовсе не едят? – спросил Бенно.

– Хлеба? – повторил, хмуря брови, господин Нидербергер. – Вот это наш хлеб! – и указал на месиво.

– Так здесь ничего не пекут, ни...

– Ни гамбургских лепешек, ни хлебцев, хочешь ты сказать? Да, пекут, но только для богатых людей, а мы едим муку, поджаренную и вареную! – с этими словами господин Нидербергер вышел. Бенно остался один. Ему дали есть, но тут не было ни стола, ни стула, не говоря уже о скатерти или салфетке, ни тарелки, ни ножа, ни вилки. Он уныло взял кусок безвкусного сыра и сквозь слезы принялся есть его, оставив нетронутым все остальное: и сало, и месиво.

Из соседней комнаты доносились до него крикливые звуки раздраженного голоса донны Паолины. Хозяин дома бешено ударял кулаком по столу, затем послышался звонкий удар, и в следующий момент одна из негритянок с воем кинулась в кухню. Теперь Бенно стало ясно, почему его принципал не приглашал его в общую семейную комнату.

Донна Паолина кинулась вслед за беглянкой, снова послышалась злобная ругань, гневные слова и плачущий, молящий о пощаде голос рабыни. Затем все стихло, и хозяйка дома снова вернулась в смежную с лавкой комнату.

Около одиннадцати часов ночи двери лавки заперли и лампу погасили.

– Ну, теперь пойдем! Я укажу тебе место, где ты можешь спать! – проговорил господин Нидербергер, обращаясь к Бенно, и, взяв в руки зажженный фонарь, вышел во двор. – Смотри, не свались, здесь яма! – продолжал он, освещая фонарем громадную лужу, где копошились свиньи.

Тощая собака промелькнула при свете фонаря; кто-то жалобно не то ныл, не то стонал где-то в углу двора. Наконец господин Нидербергер отворил дверцу небольшого полуразвалившегося сарайчика и сказал:

– Ну вот, здесь ты можешь спать!

– Я не вижу тут постели! Да и окна здесь нет! – почти испуганно сказал Бенно.

– Постели? Окна? – повторил Нидербергер, – вон там наверху отдушина, а что касается постели, то неужели ты думаешь, что здесь, при такой жаре, люди спят на перинах?!

– Нет, но на тюфяках или матрацах!

– Да... когда ты станешь богатым человеком, тогда никто тебе не помешает спать на тюфяках и матрацах, а пока, вот там на веревке висит воловья шкура, на ней прекрасно можно спать! Ну, прощай! Смотри, не оставляй дверцу открытой, а то к тебе заберутся свиньи! – и, притворив за собой дверь, он удалился.

Сердце Бенно болезненно сжалось, когда он остался один. Узкая полоска света от фонаря освещала самую безотрадную картину: целая гора ящиков, тюков и мешков, разная домашняя рухлядь загромождали глиняный или земляной пол сарая. Кругом него возились, бегали, скреблись и грызлись крысы. Когда он дотронулся до предназначенной ему для постели шкуры, из нее полетели клочья шерсти и целое облако пыли. В сарае было нестерпимо душно. Бенно начал задыхаться. Он отворил дверь. На дворе было совершенно темно; черные тучи обложили все небо, и временами сверкали огненные молнии. Надвигалась страшная гроза. Вдруг раздался оглушительный треск. Ударил молния, и вслед за нею разразился такой ливень, о каком мы, жители Европы, не имеем ни малейшего представления. Неудержимые потоки воды лились с неба сплошной струей, точно целое озеро опрокинулось над городом и в несколько секунд затопило все, не только двор, но и весь сарай. Крысы и мыши, как ошалелые, кинулись спасаться в свои норы. Бедный Бенно в один момент промок до нитки: вода лилась на него сквозь крышу с такой силой, как будто он стоял под водосточной трубой. Сапоги, карманы его куртки, – все было полно воды. Удар грома следовал за ударом, молнии сверкали, разрезая небо громадными огненными стрелами. Шум ливня и грозы был до того оглушителен, что сразу буквально ошеломял непривычного человека.

Бенно через отворенную дверцу наблюдал за жилым помещением своего принципала. «Не вспомнит ли он о том, что Бенно, незнакомый еще с местным климатом, предоставлен теперь в эту страшную непогоду всем неистовствам стихии, что ему негде укрыться от дождя?! Не явится ли он, не позовет, ли его в сухое и надежное помещение?» – думалось бедному юноше. Но нет, о нем, очевидно, и не думали. Между тем гроза продолжалась всю ночь напролет и только под утро стала немного стихать.

Около шести часов дверцы сарая отворились, и в них появилась фигура господина Нидербергера.

– Эй, Бенно, пора вставать!

Юноша решительно подошел к своему принципалу и сказал твердым, почти строгим голосом:

– Где мои вещи, господин Нидербергер?

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Потому, что я желаю переодеться, – сказал Бенно. – Вы, очевидно, не знали, что крыша вашего сарая протекает!

– Какие пустяки! Важное дело – несколько лишних капель воды для молодого человека твоих лет! Что тебе от этого сделается? Пойдем скорее, мне надо послать тебя на дом к одному очень богатому покупателю отнести ему кое-что да затем подстеречь опять, как и вчера, нашего почтальона. По пути солнышко высушит тебя!

Но Бенно не трогался с места. Он был до того обижен подобным отношением, что решил ни за что не поддаваться.

– Я вас спрашивал, пришли ли мои вещи, господин Нидербергер? – настойчиво повторил он.

– Ну да! На что они тебе теперь? Я ведь сказал тебе, что прежде всего надо сходить к моему покупателю, затем...

– Пока я не переоденусь, я никуда решительно не пойду и не буду ничего делать, до тех пор, пока вы не выдадите мне моих вещей и не укажете мне сухого помещения, где бы я мог переодеться!

– Да это настоящий бунт! Я обязался твоему дяде кормить и одевать тебя в течение трех лет твоего обучения! Как же я могу допустить, чтобы ты напрасно трепал платье? Смотри, ведь все на тебе уже почти просохло!

Бенно молчал, но по лицу его было видно, что он намерен стоять на своем. Господину Нидербергеру волей-неволей пришлось подняться на чердак и выдать мальчику его сундук. Хотя замок с него был уже сорван и вещи перерыты, но пока все еще было цело. Переодевшись здесь же и выпив кружку отвратительного жидкого кофе, он отправился с громадной корзиной полной всякого товара в аристократический квартал города.

Вернувшись в лавку, Бенно погрузился в невеселые думы.

– Ах, если бы Гармс знал обо всем этом, если бы он видел его теперь с этой тяжелой корзиной! Но нет, он ничего не напишет ему о своем житье здесь. К чему огорчать бедного старика! Но что, если он, Бенно, вдруг захворает в этом ужасном доме? – Господин Нидербергер даст ему умереть, как собаке, где-нибудь в углу полуразвалившегося сарая, без всякой помощи – в этом нет сомнения.

Вдруг чья-то рука слегка коснулась его плеча. Бенно обернулся.

– Сеньор Рамиро! – воскликнул он, и слово это вырвалось из его груди каким-то радостным вздохом облегчения. Вся кровь прилила у него к сердцу, и он молча глядел в лицо перуанца.

– Ну, как вам живется? – спросил наездник.

– Ах, не спрашивайте! – отозвался бедный юноша.

– Да, вы правы, что тут спрашивать: и так видно. А скажите, заметили вы в конце этой улицы церковь?

– Да!

– Ну, прекрасно! Когда смеркнется, я буду ожидать вас там, в этой церкви. Я хочу вытащить вас из этой грязной ямы: если вы там пробудете еще одни сутки, то непременно заболите лихорадкой!

– Мне и самому так кажется: голова у меня болит, точно хочет треснуть!

– Вот видите! Так когда стемнеет...

Все это происходило в отсутствие господина Нидербергера. В этот момент вошли еще двое покупателей, и сам хозяин лавчонки вышел из смежной комнаты.

Бенно вручил сеньору Рамиро несколько штук купленных им сигар, и тот вышел. Что ему теперь делать? Как быть? Во всяком случае, хуже, чем здесь, у господина Нидербергера, ему нигде быть не могло!

Бенно машинально исполнял всю возложенную на него работу, не требовавшую, кстати говоря, никакого ума, и думал только о предстоявшем ему решительном шаге. Это был вопрос, быть может, всей его будущей жизни. Надо было все взвесить, все обдумать. Тяжело было на душе у бедного юноши: при нем не было никого, с кем посоветоваться, никого, кому доверить свои думы и сомнения!

Но когда стемнело и хозяин отлучился из лавки, Бенно схватил свою соломенную шляпу и вышел на улицу, вполне сознавая всю важность этого шага и заранее готовый принять все могущие быть последствия. Пусть сундук и все его пожитки пропадут! Что за беда! Лишь бы самому уйти из этого ада!

Чем дальше он отходил от лавки, тем поспешнее становились его шаги, тем легче у него становилось на сердце. В одном он был уверен, а именно, что сеньор Рамиро был его искренним доброжелателем, и что ему он мог безусловно довериться во всем.

Вот и церковь. От тени колоннады отделилась стройная мужская фигура и с распростертыми объятиями пошла навстречу мальчику.

– Ах, Бенно! Наконец-то я вас убедил! – воскликнул сеньор Рамиро, – пора было покончить с этим. Вы так плохо выглядите, как будто больны, и едва держитесь на ногах, точно вы не имели приличной постели и порядочного обеда!

– Постелью мне служила лужа под проливным дождем, на обед дали кусок заплесневевшего сала и месиво муки и воды! Я не дотронулся ни до чего!

Сеньор Рамиро усмехнулся.

– После вы расскажете мне, а теперь пойдете, а то сегодня вечером здесь небезопасно!

– Почему?

– После, после! Теперь нам надо поскорее укрыться в надежном месте, Бенно!

– Укрыться, от кого? От преследований господина Нидербергера?

Рамиро рассмеялся.

– О, Боже! Если бы только такая опасность – этот жалкий старикашка с козлиной бородкой и желчным лицом, нам не стоило бы тревожиться! Я боюсь *«Канозэйросов»*. Вы, вероятно, еще не слыхали о них, Бенно?

– Нет, никогда! Что это за люди?

– Это негры, рабы, конечно! У себя на родине их предки были идолопоклонниками и приносили своим божествам человеческие жертвы. И некоторые из этих обычаев удержались среди негров даже по настоящее время, в том числе и обычай ударяться друг с другом лбами и затем, как ошалелым, бегать по городу с кинжалами и убивать тех, кто им подвернется под руку. Это делается вместо прежних человеческих жертвоприношений.

– Но ведь это ужасно! И сегодня опять такой день, когда они предаются этим безобразиям? Как же это допускает полиция?

– Полиция? О, здешние полицейские прячутся, когда завидят Канозэйросов!

– Вдруг раздался громкий радостный лай. С террасы ярко освещенного дома, уставленной маленькими столиками, за которыми сидели перед стаканами вина молодые люди с перьями на шляпах и кинжалами, сорвалась крупная борзая и кинулась прямо к Бенно. Это был Плутон, за ним следом поднялись навстречу приближающимся Педрильо и Михаил.

– Здесь мы квартируем! – сказал Рамиро, указывая на ярко освещенную веранду. – Теперь позвольте вас познакомить с нашими будущими спутниками, – продолжал он, поднимаясь с Бенно по ступеням веранды. – Все эти господа перуанцы, следовательно, мои земляки. Все они спешат со всех концов света вернуться на родину, чтобы встать в ряды ее борцов, как и подобает всем доблестным сынам отечества в трудную минуту, когда оно ведет войну с Испанией. Все мы направляемся отсюда напрямик, через дебри и пустыни, с несколькими хорошо осведомленными туземцами. Можно с уверенностью сказать, что так мы скорее достигнем своей цели, чем если бы стали неделями ожидать судна, отходящего в Лиму, чтобы предпринять затем затруднительное плавание вокруг мыса Горн.

Бенно с приветливой улыбкой поклонился всем присутствующим, многие из которых тотчас же обступили его, приветствуя дружескими рукопожатиями.

– Для меня, сеньор Рамиро, сделайте исключение! – сказал красивый статный мужчина средних лет, выходя из толпы. – Я – не перуанец и отнюдь не намерен сражаться с испанцами. Моя цель – собирать букашек и козявок, цветы и корешки, птичьи яйца и всякие тому подобные предметы, какими может наградить в этих краях Господь Бог странствующего натуралиста. Зовут меня доктор Шомбург, а это – мой неизменный друг и неразлучный товарищ Эрнест

Халлинг. Оба мы немецкие путешественники, а так как и вы – наш соотечественник, то по этому случаю нам следует выпить за нашу встречу и за ваше здоровье!..

Сконфуженный и растроганный таким дружеским приемом, Бенно охотно взял из рук своих новых знакомых стакан вина, чокнулся с ними и вскоре почувствовал себя совершенно своим человеком среди этих людей. Их было не менее восьмидесяти человек и, со слов сеньора Рамиро, некоторые из них были люди богатые, в том числе и оба естествоиспытателя. Счастливая случайность привела сеньора Рамиро в эту гостиницу, где снаряжалась многочисленная экспедиция. Десять человек индейцев были наняты компанией в качестве проводников.

– Индейцы! Где они? – воскликнул мгновенно заинтересованный Бенно.

– О, не воображайте, пожалуйста, что эти индейцы вроде куперовских североамериканских героев, какие-нибудь «Орлиное Крыло» или «Железный Клюв»! Нет, это просто – самые жалкие, заурядные нищие!

В это время на противоположной стороне улицы собралась все увеличивающаяся толпа негров.

– Кто это? Канозйросы? – спросил Бенно.

– Да, они! Слышите музыку? Это, верно, процессия: здешнее духовенство решило устроить нечто вроде крестного хода для избавления города от желтой лихорадки, и негры тоже решили по-своему принять участие в этом религиозном торжестве.

– Видите, вон уже и уличные мальчишки бегут впереди, это – неизбежные предвестники, а вот и ракеты, без которых здесь не обходится ни одно торжество и праздник.

– Для меня интересны главным образом Канозйросы, – сказал Бенно, – вот некоторые из них взялись за руки, а там уже двое трутся лбами друг о друга. Ну вот, сейчас начнется борьба!

Действительно, негры встали попарно и ударились лбами друг о друга так, что даже на веранде слышны были сильные, глухие удары этой оригинальной борьбы. Точно рассвирепевшие козлы, наскакивали они друг на друга и бешено ударились лбами при треске ракет. Некоторые из них были совершенно нагие, другие – в куртках невольников. Они то побеждали, то падали побежденными на землю; причем раскидывали руки и ноги во все стороны, и это множество извивающихся в каких-то змеиных телодвижениях черных тел, рук и ног при фантастическом свете бенгальских огней и треске ракет, производило впечатление пляски чертей.

В то время как европейцы с величайшим интересом следили за черными борцами, хозяин гостиницы с помощью нескольких слуг успел осветить веранду факелами настолько ярко, что здесь было светло как днем. Все повставали со своих мест и держали оружие наготове, на случай, если бы кто-нибудь из обезумевших негров вздумал искать свою жертву здесь.

Но вот и процессия: впереди скачут и приплясывают, то взявшись за руки, то кружась поодиночке, девочки от восьми до десяти лет, в белых длинных одеяниях с золотой каймой по подолу и белыми крылышками, наподобие ангелов. Со всех балконов и плоских крыш на них сыплются цветы в таком изобилии, что вся улица оказывается буквально устланной цветами. В воздухе неумолчно трещат ракеты, рассыпая свои огненные лучи и цветные огни, сливаясь со звуками оглушительной музыки нескольких одновременно играющих оркестров. Все это более походило на карнавал, чем на религиозный праздник. Всякому непривычному человеку трудно был вызвать в себе, глядя на всю эту пеструю и шумную картину, даже слабое религиозное чувство или молитвенное настроение.

За девочками следовало около двадцати лошадей, богато украшенных пестрыми попонами, кистями и цветами. На широком седле у каждой лошади красовалась пестро размалеванная деревянная фигура какого-нибудь святого. Далее следовали знамена, хоругви и какие-то пестрые значки, затем опять музыканты и, наконец, длинной вереницей шествовали в полном облачении монахи и духовенство всего города, неся под высоким раззолоченным балдахином ковчежец, или дароносицу, величайшую из всех святынь, перед которой весь народ падал ниц.

Шествие замыкали опять-таки негры с ракетами и хлопушками. После окончания шествия все ворота и двери домов запирались на запоры, и ни на улицах, ни во дворах не оставалось ни души.

– Ну, теперь негры Канозэйросы примутся за свое дело: смотрите, как они разлеглись во все стороны, у каждого из них в руке короткий нож или кинжал. Оружие это заранее было изготовлено и доставлено к месту сходимки. Смотрите, один из них бежит прямо сюда. Тише! Не стреляйте! Ради Бога, не стреляйте!

– Смотрите, Бенно, этот долговязый парень, видимо, имеет сильное желание принести своим языческим божествам белолицую человеческую жертву, потому что она считается гораздо выше человеческой жертвы своего соплеменника. Смотрите!

Действительно, в этот момент гигант негр с горящими глазами, прерывисто дыша, стал подкрадываться к веранде, размахивая кинжалом над головой и выскивая себе жертву, стараясь прорвать тесно сомкнутый ряд вооруженных людей, чтобы вонзить свое смертельное оружие в чью-нибудь грудь. Несколько минут длилось это безмолвное отражение нападения и упорное старание пробиться. Наконец негр вынужден был убедиться в неисполнимости своего замысла и, с бешеной силой запустив в толпу кинжалом, скрылся во мраке ночи с быстротой молнии. Вместе с ним скрылись и остальные негры.

– Никто не ранен? – тревожно осведомился хозяин гостиницы.

– Слава Богу, никто!

Спустя минуту где-то недалеко раздался пронзительный крик, за ним – стон, и затем все смолкло. Вероятно, Канозэйросы напали и уложили на месте какую-нибудь жертву, дабы умиловить своих грозных богов.

Вскоре после этого Бенно отправился в приготовленную для него и его товарищей просторную спальню и с наслаждением растянулся на свежей соломе, накрытой мягкими шерстяными одеялами. Сеньор Рамиро и Педрильо оставались до глубокой ночи на террасе за бутылкой вина.

Тогда Михаил тихонечко подкрался к Бенно и шепотом осведомился у него:

– Куда же мы, собственно, направимся отсюда?

– Да в Перу!

– Это правда? А я полагал, что господин директор меня обманывает.

– Нет!

– И Юзеффо, вероятно, оставался у себя на родине. Он никогда не приезжал в Венгрию! Что, если этот Юзеффо явится к нам на встречу! Если все это был только сон! И собака лаяла при этом, и водяные нимфы простирали ко мне руки, грозили мне, хотя я был совершенно невинен в этом деле!

– А кто этот Юзеффо, Михаил? – спросил Бенно, но вопрос его остался без ответа. Бенно не стал расспрашивать, решив, что лучше не выпытывать у безумного его тайны, потому что и без того будущее готовило много забот и затруднений.

А на дворе снова разразилась гроза с проливным дождем, но на этот раз ливень не устрашал бедного мальчика: в его помещении было и сухо, и уютно, не то что в прошлую ночь.

VI

Среди искателей приключений. – Поперек Южной Америки. – Удав. – Гарпия. – Орлиное гнездо. – Первый ночлег под открытым небом.

На другой день, ранним утром, перед гостиницей выстроилась длинная вереница всадников, отправлявшихся в дальний и опасный путь. Все они были на добрых, привычных ко всем местным условиям мулах, все хорошо вооружены и имели при себе изрядные запасы муки, сушеного мяса, сала, соли, кофе, различных лекарственных снадобий, теплых пледов и одеял, коек и гамаков, топоров, котлов и всякой утвари и даже изрядное количество сушеных воловьих шкур.

– А это нам на что? – осведомился Халлинг.

– Это наши лодки: на каждую такую шкуру садится один белый, а двое или трое туземцев плывут и тащат этот кожаный плот за собой.

– Но почему же и белые не плывут сами? – спросил доктор Шомбург.

– Никто не мешает переправляться вплавь и белым, если они хотят, в таком случае этот плот послужит для перевозки вещей.

– А, это прекрасно!

Многие из перуанцев, отправлявшихся теперь на родину, знали об исчезнувших сокровищах Фраскуэло. Один из них даже был всего год тому назад в тех местах, где родился и жил сеньор Рамиро.

– Какой чудесный монастырь построили теперь монахи в саду твоего родительского дома! – рассказывал он. – А дом, в котором ты родился и вырос, служит у них теперь приютом для странников и монастырской гостиницей. Приором там в настоящее время твой враг, брат Альфредо. Он ходит бледный и согбенный, вечно унылый и молчаливый, блюдет посты сверх положенных, целые ночи простаивает на молитве в уединенной келье и вообще ищет уединения, даже и днем, в саду. Его излюбленное местопребывание – ущелье в глухой части парка, куда врзается часть горного хребта. Он часто исчезает в глубине этого ущелья и пропадает там по нескольку часов кряду, строго воспрещая кому бы то ни было нарушать его уединение под страхом строжайшего взыскания!

Кроме этого, земляки Рамиро рассказали ему много разных новостей о его родине, о прежних друзьях и знакомых. Между тем длинный караван путешественников медленно двигался между рядами пальм и банановых кустов, оставляя далеко за собою прелестные окрестности Рио. Плутон бодро и весело бежал подле Бенно, ласково поглядывая на него своими умными глазами.

– Скажите, вы не верите ни в какие приметы или предзнаменования? – спросил Бенно один из всадников.

– Нет, не верю!

– И я тоже! – вмешался доктор Шомбург.

– Хорошо, я сегодня вечером на привале расскажу вам одну маленькую историю, и тогда посмотрим, что вы скажете!

– Через два часа будет привал, – сказал сеньор Рамиро, взглянув на свои часы, – и тогда было бы недурно поохотиться на какую-нибудь живность. Это продолжительное сидение в седле крайне утомительно и вредно, надо непременно немного поразмять ноги!

Солнце стояло уже низко, и проводники стали искать удобное местечко для ночлега. Перед путниками тянулась цепь небольших холмов, через которые предстояло перебраться. Кругом расстился густой зеленый ковер лугов, там и сям виднелись обломки скал или гигантские глыбы сырого камня. В воздухе повеяло вечерней прохладой. Легкий ветерок шелестел

верхушками стройных пальм и разведал длинные гирлянды из многоцветных выюнов, спускавшихся с деревьев и задевавших шляпы и лбы всадников. Вдруг Рамиро указал вверх и сказал:

– Видите, Бенно, там, высоко в небе, эту громадную птицу, подстерегающую добычу?

– Да, это орел, если не ошибаюсь!

– Это гарпия – самый крупный и самый опасный из всех видов орлов. Вон там его гнездо, – сказал Рамиро, указывая на вершину старого, наполовину обнаженного дерева, – видите вы это гнездо? Оно вдвое больше самого большого журавлиного или аистинного гнезда! Смотрите! Гарпия заметила свою жертву и устремляется на нее.

Действительно, в этот момент страшная хищная птица с резким пронзительным криком упала, точно камень с высоты. Все смотрели, затаив дыхание, на эту громадную черную с белым птицу, величиной более трех футов, с могучими распростертыми крыльями, горящими, точно раскаленные угли, глазами и дрожащими, судорожно сжатыми когтями, готовыми ежеминутно впиться в намеченную жертву и утащить ее с собой. Минута – и воздух огласился жалобным криком. Что-то зашелестело, затрещало в кустах. Затем, плавно взмахивая крыльями, гарпия стала подниматься вверх, унося в своих когтях молодую косулю. Казалось, косуля для нее была не тяжелее сорванного цветка, и в несколько секунд птица вместе со своей добычей очутилась в своем гнезде.

– Мне ничего не стоит взобраться на это дерево! – сказал Педрильо.

– Это не так трудно, но только с гарпией шутить нельзя, можно и глаз лишиться!

– Смотри, сеньор, – сказал один из индейцев-проводников, – она тебе одним ударом клюва пробьет череп. Не подходи к ней близко, если не хочешь смерти. Даже взгляд ее дурной: если только она взглянет на тебя, ты упадешь замертво!

– Пустяки, я взберусь туда и застрелю ее из пистолета! – сказал Педрильо.

– Берегись, господин, она высосет твою кровь!

– Ну, там увидим! – беспечно отозвался Педрильо. – Господа, – обратился он к присутствующим, – кто из вас попадает в карту влет?

– Я! – сказал молодой Халлинг.

– Прекрасно, так будьте наготове, как только я вам крикну!

С ловкостью и проворством кошки «человек-змея» добрался почти до самого гнезда и, достав из кармана пистолет, нацелился прямо в сердце гарпии, которая, наполовину высунувшись из гнезда, смотрела на него злыми глазами, окаймленными, наподобие очков, светлой, резко выделяющейся каймой, и злобно шипела, выражая этим свой гнев.

Но, прежде чем поднимаясь на ноги птица успела пошевелиться, раздался выстрел – и она, перевернувшись через голову, точно камень, упала на землю, смертельно раненая, с окровавленной грудью, корчась в предсмертных конвульсиях.

Индейцы тотчас же набросились на птицу и, добив ее, стали готовить ее на ужин. Тем временем успели уже развести костры и развесить гамаки.

Покончив с гарпией, Педрильо вздумал заглянуть в гнездо, где оказались еще два маленьких неоперившихся птенца гарпии и полусклеванная молодая косуля.

– Брось нам сюда и косулю! – просили индейцы.

Едва только Педрильо успел исполнить эту просьбу и протянуть руку к птенцам, как вдруг вскрикнул и стал искать рукой точку опоры. Это сразу же было замечено следившими за ним снизу людьми.

– Большой сук загородил ему дорогу! – сказал кто-то.

– Педрильо! Что случилось? Что там такое?

– Змея! Огромнейший удав! – крикнули туземцы, успевшие, не дождавшись ответа, догадаться, в чем дело.

– Педрильо! Стрелять? – спросил Халлинг.

– Если вы вполне уверены в себе, да!

– Берегись! – крикнул Халлинг, вскинув к плечу свое ружье, – отклонитесь немного назад, я вас не задену!

Все затаили дыхание и смотрели на змею, медленно раскачивавшую головой из сторону в сторону. Раздался выстрел; целый град листьев и мелких сучьев посыпался на землю. Все дерево дрожало от судорожных движений извивающейся, раненной в шею змеи, постепенно ослабевающей от раны. Наконец красиво разрисованная голова удава беспомощно повисла до земли, только сильные мускулы хвоста этой живучей твари продолжали еще обвиваться вокруг дерева, поддерживая все туловище на весу.

Рамиро, не теряя времени, сплел из волокон ближайшей пальмы петлю и изловчился накинуть ее на шею змеи, после чего крепко-накрепко привязал ее голову к стволу дерева так, чтобы она никак не могла уползти. Пока он с этим возился, хвост ожившего чудовища судорожно извивался. Рамиро, покончив со своим делом, взобрался на сук, вокруг которого обвивался хвост удава, осторожно отмотал его и сбросил на землю. Удав все еще извивался и свертывался в кольца в траве даже и после того, как индейцы своими топорами совершенно отделили голову от туловища.

– Какая громадина! – восхищенно воскликнул доктор Шомбург. – Более двадцати футов длины!

Тем временем Педрильо спустился с дерева, держа в руках обоих птенцов гарпии, которых он отдал туземцам-проводникам.

Огромный костер разгонял москитов; гамаки, развешанные на ветвях деревьев, манили к отдыху, а запах кипевшего в котелках мяса приятно дразнил аппетит. Плотно поужинав, путники с особым удовольствием растянулись на мягких шерстяных одеялах, многие закурили коротенькие трубочки и были весьма не прочь поболтать часок перед отходом ко сну.

– Вы обещали нам рассказать какую-то диковинную историю, – напомнил кто-то перуанцу, который во время пути обещал рассказать маленькую историю.

– Да! – И Кастильо рассказал своим слушателям о том, как в молодости, сражаясь за независимость своей родной страны, вынужден был драться с неприятельским отрядом, в рядах которого находился его родной отец. Под впечатлением этого мучительного сознания ему приснился сон, в котором он видел, что падает с высоты в реку, но что его подхватывают чьи-то сильные руки, и ласковый голос отца шепчет ему: «Дитя мое, возлюбленный мой мальчик, тебе-то я не дам погибнуть!» И вот спустя неделю заболевший Кастильо в лазаретной повозке переправлялся со своим отрядом через мост, а мост-то был подпилен неприятелем, подстергавшим в засаде, чтобы во время катастрофы напасть на них. В тот момент, когда повозка достигла рокового места и с обрушившегося под ней моста полетела со всеми больными в реку, стоявший внизу под мостом отец Кастильо успел схватить сына и спасти его от верной гибели.

После этого рассказа и другие стали рассказывать подобного рода случаи из своей жизни, пока, наконец, кто-то не захлопал громко в ладоши и не воскликнул:

– Спать! Спать, друзья! Всем нам пора спать!

Все охотно послушались этого разумного совета и с готовностью полезли в свои гамаки.

Бенно подвесил свой в ветвях развесистого густолиственного дерева, но едва успел взобраться в свой гамак, как тотчас же спрыгнул опять на землю.

– Что это? – воскликнул он. – Все мое покрывало сплошь усеяно какими-то мелкими холодными животными!

– О, это просто древесные лягушки, самые безобидные создания, каких только можно себе представить! – сказал индеец-проводник.

Молодой ученый тотчас же подоспел со своим маленьким фонарем и стал рассматривать этих лягушек.

– В листве деревьев и кустов их целые мириады! – продолжал туземец.

– Прехорошенькие животные, красно-бурые, с блестящей серебристой полоской вокруг всего тела! – сказал доктор Шомбург.

– Да, но все же это – не совсем приятные соседи в постели. Я лучше перевешу свой гамак на другое место, туда, между двух пальм, там, вероятно, нет этих лягушек! – сказал Бенно.

Бенно перевесил свой гамак и стряхнул непрошенных соседей со своего одеяла, причем доктор Шомбург изловил двух из них и положил в банку со спиртом.

Вскоре в маленьком лагере воцарилась полнейшая тишина.

У костра, с тупым выражением на безучастных лицах, сидели, скорчившись, туземцы, то дремля, то бодрствуя. Время от времени они подкидывали сухие сучья в ярко пылавший костер и затягивали заунывную однообразную песню.

Если бы кто-нибудь из присутствующих понимал их язык, то услышал бы в той песне горькую жалобу:

«Знаешь ли ты, ветер вольный, где краснокожий может преклонить свою голову?

Знаете ли это вы, тучки небесные и звезды далекие?

Все отнял у нас белый человек: и лес, и берег, и малых детей краснокожего племени. Он травит их собаками и скармливает догам их мясо; он и животных своих учит ненависти к краснокожему человеку.

Знаешь ли ты, ветер вольный, где краснокожий человек может преклонить свою голову?»

Так пели эти бедные индейцы, сидя у костра, тогда как остальные спали, свернувшись, как собачонки, в теплой еще золе. Под утро, как только начало светать, проснулся Рамиро. Лицо его было бледно и озабочено. Очевидно, он мало спал и много думал этой ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.